

Аука

**Бесполезная
книга и
волшебное
время года**

Том 2

Аука

**Бесполезная книга и
волшебное время года. Том 2**

«Издательские решения»

Аука

Бесполезная книга и волшебное время года. Том 2 / Аука —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902966-9

Второй том сказок Ауки. В этой книге вас встретят уже известные герои и новые персонажи. Сказочный год, поделенный на месяцы.

ISBN 978-5-44-902966-9

© Аука
© Издательские решения

Содержание

Присказка	7
АУКИНОМУ ЧИТАТЕЛЮ посвящается...	8
Январь	10
Сказка клином	10
Разнообразие крайностей	11
Незаконченный конспект сказки	12
Иллюзия очевидного	13
Вопросительное	14
Волшба случая	15
Правдивая сказка про то, сколько и в какую сторону	17
Сказка про диагноз	18
Предисловие к старости	20
явление героя	21
Без выбора	22
Предсказка	23
Сказка зимнего невоспоминания	24
Сказка о важном. И заодно про чай	25
Сказка без обещаний	27
Придуманная сказка	28
Сказка с настроением	29
Февраль	30
Сказка безупречности	30
Всеобщая арифметика бреда	31
С четверга на пятницу. Точно в два	32
Сказка не про слова	33
Странное происшествие с Петровым	34
Еще одна заботливая сказка	35
Сказка с верой	36
Сказка без цены	38
Неправильная сказка	40
Больная сказка	41
29 февраля. Непривычная сторона реальности	42
Март	44
Сказка про невозможность	44
Перед чистым листом	45
Необратимость	46
Много о любви	47
На расстоянии кошачьей лапы	48
Ты, чего?	49
Утро злодея. Пилотная сказка из жизни сказочных персонажей	50
Сказка-посвящение	51
Важный случай:)	52
Короткая сказка двери	53
Сказка приглашения к молчанию	54
Сказка про огород	55
Попытка	56

Апрель	57
Дурацкая сказка (1 апреля)	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бесполезная книга и волшебное время года

Том 2

Аука

Иллюстратор Елена Хворостина

© Аука, 2018

© Елена Хворостина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2966-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Присказка

Скоро сказка сказывается, да не скоро присказка начинается. Сказочные времена года. Зима, весна, лето да осень. Всё, как обычно. Твои сказки продолжаютя, любимый читатель. На этот раз они расположены так, как приходили к сказочнику. Каждая в свое время года. По месяцам поселились. Сказки можно читать подряд, как бы проживая сказочный год. Можно выбирать сказки по любимому времени года. А можно читать, как захочется. Для особенного эффекта читай вслух. С выражением. Сказки здесь не простые, а волшебные. Волшебство каждый по-своему понимает. Сказочник свое понимание покажет, читатель свое приложит. Глядишь, сказка и получится.

АУКИНОМУ ЧИТАТЕЛЮ посвящается...

Это предисловие написано Татьяной Исаенко. Стиль автора сохранен.

Хе-хе, мой дорогой! Дорогой возможный Читатель или не менее дорогой будущий Искатель того или сего. Приветствую тебя и спешу сообщить превосходительное известие! А именно – тебе будет не только трудно, как и нам всем. Тебе будет не только интересно и весело, как и каждому из нас, тоже искавшему, нашедшему и продолжившему, прекратившему или не переставшему искать. (То или иное). Есть книга, которые мы прочитали, а ты – ещё нет. И мы тебе неопиcуемо завидуем! Можешь ли ты представить, что когда-то и не знал о том, что живёт себе в городе Магнитогорске сказочник Аука? В самом таком типичном городе, самой обычной живёт себе Жизнью (да, да, он всегда пишет это слово с большой буквы!) Он записывает удивительные вещи. Он может всё. (Ах, об этом подробнее? Ладно, но – позже). Он чудесный рассказчик и великолепный выдумщик! Изобретатель и подмечатель самых обычных чудес. Замечатель, отмечатель, азартнейший масла-в-огонь-подливатель. Да, он такой. Он Автор этой книги. Он большой шутник, ухахататель до колик, игратель на целой банде музыкальных инструментов, извлекатель звуков из всевозможных струн, включая совершенно нематериальные, а ещё! Ещё он невзиратель на невозможности, потому что..

Хм. «Полно, да о живом ли человеке ведёшь ты речь? Из плоти и крови ли он сделан?» – усомнишься ты, дорогой. Отвечу. Во-первых, ничего я не веду, а вру, просто вру! А раз я всё равно «только вру» – то возможность отклониться от истины совершенно исключена и ты не можешь меня уличать в преувеличении! А в-десятых (и этой системе счёта обучил меня именно он, Аука), ты не дослушал мои аргументы. Они есть и вот они! Помнишь историю про маленького мальчика, который спас своего годовалого брата из горящего дома? Он как-то выбил окно (это считалось невозможным!), засунул малыша в рюкзак, нацепил рюкзак на плечи – всё это в запертой комнате, стремительно наполняющейся дымом!) – и спустился со своей нелёгкой и вопящей ношей по трубе со второго этажа. Журналисты тогда зашлись в агонии: «Но КАК, как он смог всё это сделать? Совсем крошка сам.. Испуган! В отчаянии! Один! Без подсказки и совета, без помощи!» И в этом ключ. Важный, наиважнейший ключ к пониманию многого. Мальчик был один, и некому было сказать ему, что он не сможет. Вот почему. Вот почему ФСЁ)

Уж не знаю, как достигается интимность творческого акта в каждом конкретном случае: специально ли это обученная Муза (вовремя и незаметно уходящая по своим делам), деликатные ли домочадцы (не мешающие творческому процессу), прекрасная ли миссис Кот (мудро не прибегающая к человеческому языку), – но вот Автор остаётся наедине со сказкой. Так это происходит или совсем иначе, но когда Аука записывает свои истории, рядом с ним нет никого, кто мог бы сказать ему, что он не сможет. И поэтому он может всё! Он пишет «в жанре» – и это всегда вне жанра. Он «бубнит» тебе про вечное занудство, а ты вдруг начинаешь различать оттенки вкусов и ароматов. Он говорит о любви, об измене, о гневе или прощении, о грусти и страхе, он говорит о разных чувствах, – а у тебя вдруг начинают работать мозги. Да-да, а чувства дружно и добровольно отходят на второй план, и ты впервые в жизни делаешь невероятно умный поступок. Один, второй, чёрт побери, да тебя как подменили?! А как же любовь там, ну, грусть?.. Неизвестно. Не беспокоит. Известно только, что там всё в порядке. Это как со здоровьем: что у тебя с почками, что с позвоночником, – ты толком не скажешь, ибо здоров. Иными словами, я не возьмусь предсказать, что именно можно «вылечить» Аукиным словом. Знаю только, что в каждом случае это будут разные вещи. И что сам Аука понятия не имеет, какую сказку и к какому месту лучше прикладывать. Он даже может написать

с ошибками, но возьмишь ты исправить, и сразу поймёшь, что «Всё правильно!» это совсем не «ФСЁ правильно!». Настолько совсем, что это просто разные вещи, что это неправильно вообще! И что лучше не исправлять. Его истории похожи сразу на все истории и притчи мира, и написаны как бы для всех, но вместе с тем, совершенно уникальны, и каждое слово, каждый раз – оно только для тебя.

Я хорошо изучила тебя, Читатель, Искатель или кто ты там есть? Ты непременно воскликнешь сейчас: «Как для меня?! Но это же невозможно!» – Да? А кто тебе это сказал? И ты пробовал проверить? Ты был один, когда решал вопрос о возможности и невозможности?! Так ты проверь – это же так легко. А я тогда не буду спорить: просто открой книгу и почитай. Если я окажусь неправа, и Встречи не произойдет, ты только скажи: и я стану отчислять на твой счёт каждый третий пончик со сгущёнкой!

Теперь коротко и о главном. «Оказывается... оказывается Я МОГУ ВСЁ.. Могу это!..и это! И вот тут, быть может, рискнуть, а? Смогу ведь!» – робко и восторженно шепчем себе мы, читая Аукины сказки, вдыхая звёзды, обливаясь нежностью, радуемся нечаянному подарку – встрече с самим собой. Это ощущение – встречи с малознакомым, а, возможно, и малоприятным, но родным человеком, и желание эту встречу повторить, продолжить, продлить узнавание, – вот ещё один подарок Ауки. Как он это делает, чёрт его знает! Но он это может и он это делает. Хотя на самом деле, он может ФСЁ! Просто «всё» ему не нужно) Вы же тоже можете многое: водить машину, писать программы, переводить с испанского.. А любите.. семечки!

Январь

Сказка клином

Клин не вышибался. Позвали еще один. Прибывший клин был крепким и самоуверенным. Поэтому засел так, что не сдвинуть. Вот засада. Называется заклинило, по самую макушку.

Учение свет, а не учение, стало быть. Хотя, если честно не ученые вполне себе, жизнерадостны и болеют тем же набором. Но ученым обидно, вот и ерничают. Мой кот не прочел ни одной книги (не заставлял его за этим), не делает по утрам зарядки, не бегаёт трусцой и не занимается йогой. И что? Да, ничего – счастлив зараза, гибок, хорош собой и умен не по месяцам.

Спит кстати побольше моего. Попробовал посоревноваться, проснулся разбитым, больным и нервным. Что Коту хорошо, ученому лучше не пробовать.

Долгими зимними ночами решил провести ревизию знаниям. Что пригождается, что для понтов, а что и позабыть не стыдно. Уснул как младенец. Целый день потом из дому не выходил. Может в том и подмога? Спросил у Кота. Тот позвал играть. Бегали, роняли мебель, оба запыхались. Знаний не прибавилось, настроение улучшилось, индекс счастья пополз вверх. Кот спать, я за сказку. На поводу у него не пойду, знаю я чем запойные сны заканчиваются.

Оставил клинья в покое. Буду поливать, к весне может в рост пойдут, лист пустят, а там и заколосятся. Попробовал почитать что-нибудь умное. Затянуло, но как только понял, что кругами пошли, заскучал, позвал кота. Дальше по отработанной схеме. Не стать бы запойным игроком с котом. Но с другой стороны настроение, индекс счастья и прочие пряники.

Вот умище куда девать? А? Привык тот чтобы в него пихали без разбору. Все больше впрок и непонятно зачем. Света не прибавилось. Но зависимость наблюдается. И мерцающая надежда на то, что, а вдруг? Вдруг новое знание окажется тем самым? За столько лет не оказалось, а тут вдруг окажется? Приятнее всего обманывать самого себя. Учил кота подавать лапу. Тот в качестве комплимента научил жмуриться. Но лапу так и не подал. Превосходство настоящего над умным. Хотя кот плевать хотел на превосходство. Лежит и слушает музыку.

Пробовал делить время на разные части. Поддается. В любую сторону. Подозрительно это. Как бы и сюда клин не засадить по макушку? Один из клиньев вылез сам, сказал, что ему надо и куда-то смылся. Как ни крути, а главному научился сам. Помучился, другим приятное сделал, но в итоге все равно сам. Подсказка-то на поверхности. Быстрее сам начнешь, быстрее клин от тебя откажется.

Наблюдали с котом за умными. Сошлись, что не жалко. Большинство с перепугу в ум кинулись, кто-то от невозможности. Сколько не маскируй, а клин зацветет однажды. Квадрат катетов давно расстался с гипотенузой и ходит голым встречать рассвет на берегу безымянного озера. Только людям нужны имена, прочие обходятся непосредственным контактом. Вначале было Слово, но никто не говорил, что это Слово было произнесено, записано или продумано. Если промолчать свое имя как следует, то будешь хохотать как нормальный. И в четверг непременно задумаешь доминант септ аккорд на половину четвертого, это если на северо-восток от альденто, потому что иначе невкусно.

Разнообразие крайностей

Ноту звали Фа Дизз. Так было удобно музыкантам. А мнение самой ноты никто не спрашивал.

Сыворотка правды не действует на необходимость в обозначении. Да и удобно.

Человек легко доживает до края. Когда возникает необходимость прекратить что-то. По причине опасности для существования или по причине невозможности бесконечных повторов. Это необходимо, но не обязательно. Но, если не остановиться, то уже не важно. Человек исчезает.

Последний глоток алкоголя, финальная сигарета, отказ от любимой еды, завершение любимого увлечения. Это из физического. А еще ведь ум с душой. Прекращение отношений, например. Да мало ли. Точнее сказать, так много, что не перечислишь.

Взросление имеет побочные эффекты. Один из которых – дожить до края. Видимо таким нехитрым способом существование вынуждает или поменяться или... Направлений куда Жить, все меньше. По причинам субъективного характера. И если Жизнь твоя не пестрит разнообразием, то однажды оказывается, что подступает край смысла Жизни.

Никто и не обещал, что будет просто. Но никто и не пугал, что будет невозможно. Все-то и надо, пока есть излишки силы, потратить эту силу на разнообразие. Тогда, по мере возникновения краев, у тебя еще остаются направления. Направлений минимум шесть. Это из очевидных. Если упорно идешь только по одному, сильно рискуешь.

Парадокс выглядит так. Чем более разнообразна Жизнь человека, тем менее он интересен окружающим. Хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Не верите? Испытайте сами. Или вспомните тех, чьи имена носят улицы, города и планеты. Скажите, что их Жизнь была разнообразна? Но помнят их по чему-то одному, да и то намного позднее их ухода из списка Живых, а при Жизни эти ребята вызывали в лучшем случае досаду.

Рискнуть имеет смысл. Потому что главное происходит, как ни крути, когда человек наедине сам с собой (даже на публике). И мнение окружающих меркнет перед наслаждением разнообразия Бытия. Прослыть чудаком или белой вороной – не самый плохой вариант. Цвет оперения не отражается на летных качествах и не мешает в освоении высшего пилотажа.

Однажды наступает край, когда уже больше нельзя откладывать. И от принятого безумия будет зависеть как пройдет неизвестный остаток Жизни. Никто за тебя не рискнет в выборе разнообразия. Ноту можно назвать и соль бемоль. Звучать она будет так же, как и фа дизз. Но неслучайно одна и та же нота имеет два имени?

Незаконченный конспект сказки

– Мустафа? Не похож... Нос не такой, улыбається как-то не так. Веснушки опять же.

– Но какое имя для ангела? А?

– Вот скажи, на кой ангелу имя-то? Кто его звать будет? Он же сам является.

– Темнеет. Ну ты глянь? Темнеет! Что творит? Вот скажи, как он являться будет черным как сажа? Перепугает же?

– Может хранителем станет? А что? Хранителю черным быть самое оно. В темноте затаится и его никто не увидит.

Про ангелов домыслов еще больше чем про драконов. Вроде бы ангелы должны быть. Вроде как двух цветов. Вроде как у них специализация. Но мало кто видел ангелов. А те, кто видел, в основном на стационарном лечении. И проверь теперь, правду они говорят или диагноз пересказывают?

А теперь общее у драконов и ангелов. Среди людей и те, и другие стараются быть незаметными.

Летают, но предпочитают делать это вдальеке от любопытных глаз. Не имеют имен, но не возражают, если люди их как-то называют. Обильно заселяют сказки.

Финики он мне не продал. Щедро отсыпал кураги, изюма дал попробовать, инжира аккуратно взвесил. А финики отодвинул и даже разговаривать о них не стал. Обычный такой восточный продавец. Вот только в профиль старался не поворачиваться и разрез глаз у него странный. На вопрос как его зовут, улыбнулся белоснежно: «Мустафа».

Когда кто-то взлетает или идет на посадку, то это всегда ветрено. Когда взлетает кто-то огромный, то это еще и страшно. Хорошо, если не сметет порывом и не онемеешь от изумления. Это ничего не объясняет, но многое запутывает. Человеку почему-то важно знать кто перед ним.

Во что верит? Что исповедует? Откуда родом? Как зовут? Это знание обычно бесполезно, но дает ощущение осведомленности. До поры, пока не онемеешь рядом с взлетающим черным ангелом по имени Мустафа. И рад бы о нем рассказать, да слов, подходящих еще не придумали.

Иллюзия очевидного

Его не посещало видение. И он не постигал истины о том, кто он. Не читал откровения святых и не проповедовал знание ученикам. Почему люди решают, что тот или иной человек просветленный? Вера? Верят не все. А те, кто не верит, не видит в этом человеке ничего особенного? Так значит все-таки, вера? Или противоположность веры?

Где находятся мысли? Что за такое пространство, где обитает мысль? Оно ограничено головой или бесконечно? Откуда появляются мысли? И куда исчезают? Человек может найти ответы на эти вопросы? Или он не в состоянии видеть себя, оставаясь собой?

Прочитать слова просветленных, отключив на время веру. Слушать, не оценивая. Смотреть, не узнавая. Это весьма поучительный и драматический опыт. После него можно лишиться определенных иллюзий. А иллюзии – это основа нашей Жизни. Обычно человек заменяет одни иллюзии другими. Так может не трогать? Не лишать себя определенности?

Все знания человека о том, кто он получены от других людей. Забавно. А откуда узнали они? От других людей? Эта цепочка куда-то приведет? Вряд ли. Тогда почему человек доверяет знаниям, полученным неизвестно откуда? И есть ли разница между разными толкованиями?

Возможно, человек обретает просветление в момент, когда он принимает возможность знания. Знание не от других людей, а знание от себя? Человек может цитировать других, в подтверждение своих знаний. Иначе его просто не поймут. Человек использует слова, которым его научили другие. Но знания из человека, а не от других людей.

Его не посещали видения. Святые не спустились к нему с небес. Он не совершал чудеса. Его не назовут святым и не признают посвященным. Потому что нет признаков. Он не скажет правильные слова и не сделает ожидаемое от него. Он не отличается от кота или собаки. Они ведь тоже основываются на самих себе? Забавно.

Параллельные прямые всегда пересекались. Земля не была плоской. Сколько еще предстоит познать, чтобы научиться видеть очевидное?

Вопросительное

Неизвестно, куда тебя уведет сюжет. Не всякий сюжет, но обычно самый беспокоящий. Не факт, что лучший, но очень желающий, чтобы его воплотили.

На двери магазина висела криво оборванная бумажка. На бумажке красовалась коряво написанное: «Стучите». Через стекло двери было видно, что дверь была подперта потрепанной хоккейной клюшкой.

– Странно – подумал Петров – Не проще ли было просто закрыть магазин.

За спиной кто-то кашлянул. Петров оглянулся и увидел ворону. Она кивнула, потом взлетела, потом трижды постучала в стеклянную дверь. А потом зашла. В закрытую дверь. Петров подошел, подергал дверь за ручку, закрыто. И было видно, как ворона, важно переваливаясь, завернула за угол с той стороны двери.

– Не проще – продолжил свою мысль Петров и только решил постучать, как откуда-то снизу кто-то помолчал.

Привычно считать, что молчание – противоположность разговору. Хочешь, чтобы тебя услышали, не молчи, скажи. Привычно, да, но не всегда срабатывает. Если молчать, с хорошей молчаливой дикцией, то тебя не просто услышат, тебя скорее всего поймут. Чего не скажешь про слова, сказанные вслух. Петров осторожно отступил. Кто-то, красноречиво молчаливый, молча постучал и деликатно вошел в закрытую дверь.

– Тот случай, когда даже не хочется уточнять кто это был – Петров даже не обратил внимания, что мыслит не более одной мысли за один раз.

– Вы крайний? – зычно проорал кто-то большой и невозможно громкий.

– Проходите – пролепетал Петров, и не глядя отступил в сторону

– Вот спасибо – прогрохотало в ответ. Потом громыхнуло так, что заложило уши. Видимо владелец оглушительного голоса постучал в дверь. И стало тихо. Так тихо, что Петров услышал, как кто-то поет в его левом ухе. Через некоторое время к песне присоединился кто-то из правого уха. Певцы пели на незнакомом языке и мелодия была какая-то несовместимая с музыкой, но приятная для слуха.

– Интересно, так сходят с ума? – по традиции коротко и емко подумал Петров.

– Не так – ответили из левого уха

– А может и так – отозвались из правого

– Вы кто? – спросил Петров.

– А какая разница? – бесцеремонно возмутился левоухий (так окрестил его Петров).

Правоухий красноречиво промолчал.

Внутри любого отдельно взятого человека обитает множество других существ. Какие-то из них помогают, другие мешают, и все предпочитают не обращать на себя внимания. Когда человек думает, что он думает, то далеко не всегда он думает. Это сложный вопрос. Интересно кто его задал? Человек или...

Петров вошел в ту странную дверь? Или это уже не так важно? И что там, за дверью? Может это вовсе и не вход в магазин, а портал? А куда ведет этот портал? На эти вопросы можно получить ответы. Какие-то из возможных ответов. Но что это изменит? Ведь еще несколько строк назад вы ничего не знали о какой-то там двери. И все было нормально.

Волшба случая

Волшба случайностей творится очень просто. Ты лишаешь себя (на какое-то время) выбора, и следуешь за событиями, что происходят с тобой по воле случая. На самом деле ты и без всякой волшбы так живешь, но есть крошечное отличие. Присущее каждому человеку волшебство способно повлиять на выбор той или иной случайности. Так мы в реальной жизни и творим волшебство в каждое мгновение, а в том, что волшебством считаем, никакого волшебства и нет.

Позволить случаю вести тебя по Жизни и просто и невозможно сложно. Потому что страшно. Привычка все контролировать (а на самом деле убеждать себя, что ты способен контролировать) дает ощущение безопасности. Сделай даже крошечный шаг от этой привычки и начнется паника. Некоторые волшебники берут себе помощников, чтобы те, в моменты, когда контроля нет, со стороны помогали. Но помощник бесплатно помогать не будет, да и у него свой интерес всегда имеется. Иногда ритуалы всяческие используют, амулеты и заклинания. Баловство все это. Вариации на тему все той же привычки контроля. Не. Если решил довериться случаю, доверяйся безоглядно. Тогда может, что и получится.

Петрова трясло. Хотя одет он был тепло, да и на улице не особо примораживало. Трясло Фрола Кузьмича от неизвестности. И ничего он с этим поделать не мог. Он вышел из дома, пошел за первой попавшейся вороной, оказался на остановке, почему-то один, хотя был выходной, и люди обычно в это время высыпали побродить по своим человеческим делам. Подкатила маршрутка. Петров залез в нее, даже не посмотрев на номер. А номер маршрутка имела занятный: «000». Поехали. Сунул руку в карман, мелочи оказалось ровно столько, сколько нужно на проезд. Пригрелся и задремал.

Существуют очевидные признаки, что волшба начала случаться. У тебя все получается. Хотя ты для этого ничего специально не делаешь и предварительно не готовился. Случай подхватывает тебя и несет, постепенно разгоняясь. Ощущение при этом ни с чем несравнимое. И страшно так, что дышать трудно.

Маршрутка остановилась, двери открылись автоматически. Петров вышел. Перед ним был лес. Заснеженный сонный лес. Тоненькая тропинка приглашала куда-то в темноту между елями. Сумерки осторожно спускались с неба. Уже и первая звезда замигала между ветвей. До наступления ночи оставалось шагов сто, не больше.

Еще один из признаков волшбы случая – отсутствия выбора. Все варианты, кроме очевидного, будут неудобны, а то и опасны. Те, кто практикуют такую волшбу привыкают действовать не выбирая. Это кажется неразумным обычному человеку, но у волшебства свой взгляд на разумность.

Петров осторожно пошел по ускользящей тропе. С каждым шагом становилось темнее, лес нависал, закрывая небо, но отступать, было некуда. Резко треснуло от мороза дерево, горланно закричала невидимая птица, за спиной зазвучали торопливые шаги и частое хриплое дыхание. Петров не выдержал и побежал, не разбирая пути. Ветки хлестали по лицу, сердцу стало тесно в груди, но тропинка заботливо оставалась под ногами. Он не понимал, что происходит, куда и зачем он бежит. Бежал, пока не оставили его силы и не упал он лицом в снег, готовый ко всему и равнодушный к своей судьбе. Откуда-то сверху опустилась огромная лохматая лапа, осторожно подхватила Петрова и подбросила его выше самого высокого дерева. Небо бросилось навстречу, захохотал озорник ветер, звезды перемешались подобно уголькам в костре. Петров раскинул руки в стороны и ...исчез.

Проснуться в теплой кровати рядом с родным человеком. Чтобы никуда не спешить и значит не рисковать опоздать. Хорошо если какой-то домашний зверь радостно пожелает тебе доброго утра на своем языке. И нет необходимости выбирать делать или не делать что-

то. К чему все это? А как иначе рассказать о том, что дает волшебба случая. Дает тому, кто не испугался.

Правдивая сказка про то, сколько и в какую сторону

– Гладишь пузо правой рукой по часовой стрелке 108 раз, а потом левой лапой против часовой и тоже, как это ни странно 108 разочков – Дракон зевнул, поправил на носу несуществующее пенсне. Пенсне посуществовало пару мгновений, но заскучало и снова перестало существовать.

– А почему именно 108 раз? – занудно протянул Петров – И почему правой рукой по часовой стрелке?

– Можно и 96 или 36 или даже 18 – проворковал Дракон – Если тебе удобно чесать пуп ногой, то это нисколько не хуже, некоторые делают это хвостом.

– А направление выбирают удобное. Для каждой конечности оно свое – добавил Волшебник

– Вот, те раз! – удивился Петров – Не может же быть, чтобы 108 было взято произвольно?

– Тебя какой вариант ответа устроит? – скорчил рожу Дракон – У меня штук шесть для начала. Не может. Может. Не не может. Да, но может. Не, но да. Абвивалентно.

– Но так не бывает? – Петров чувствовал, что над ним тоненько так подтрунивают. Но никак не мог ухватить за ниточку, чтобы предъявить претензии.

– Как только не бывает – вздохнул Волшебник

– А уж как бываеет – вторил ему Дракон

– И что вы этим хотите сказать? – чуть не плача пролепетал Петров

– Ты первый начал – перешел в нападение Дракон – Я тебе показывал, как без особых хлопот поправить здоровье. А ты, вместо того, чтобы испытать мои показухи, начал умничать. Что нам оставалось?

Так уж повелось, но люди очень любят учиться. И людям идут навстречу. Придумывают много разного чему бы можно было научиться. При этом, правда, не всегда уточняют, что вовсе необязательно этому учиться и именно так и непременно долго. Жизнь не только коротка, она еще и неравномерно коротка. У человека попросту нет времени, чтобы учиться долго, потому что надо ведь еще выученное как-то потом потратить. Мудрые не учатся. Они по возможности отлынивают и от того, чтобы учить. Тому, кто хочет что-то делать, мудрец сразу дает готовый способ. Этот способ нужно у мудреца взять и самому на себя примерить. Времени для этого нужно ровно столько, сколько нужно именно тебе, чтобы мудрый способ сработал. И это все. Никакой тебе романтики. Экзаменов, зачетов, тусовок, дипломов, званий и почестей. Ты или умеешь, или нет. Но если тебе хочется пойти по длинному пути, то зубри, тренируйся, служи, чтобы в конце концов понять, что тебе это и не надо было.

– Нам тебя, Петров, учить некогда и лень – деловито начал Волшебник – Если тебе чего надо, я тебе сразу скажу, а Дракон покажет. А ты потом уже сам решишь сколько тебе раз удобнее, какой рукой, в какую сторону. Сам сделаешь и поймешь, как для тебя лучше. Других объяснений не будет.

Петров погладил пузо сколько было сказано раз. Понравилось. Поменял руку – тоже ничего.

Попробовал иначе, руку положил на руку, опустил ниже... Он искал другие варианты и в конце концов обнаружил, что если в момент, когда наглаживаешь пузо, мизинцем свободной руки упираться в кончик носа, то эффект потрясающий. И главное, тот, что был нужен именно ему, Петрову.

Учебное редко годится для применения в реальной Жизни. На то оно и учебное. Успеть поймать принцип и сразу перейти к практической работе – в этом особое удовольствие. Дипломов за это не дают. И ехать не нужно к Учителю в даль светлую. Но у тебя получится. Никуда не денешься.

Сказка про диагноз

Когда сказочнику не хочется ничего читать, а почитать хочется, он записывает сказки. Для этой цели используются сказки, запасенные про запас. Запасать сказки трудно, быстро они портятся. А испорченная сказка уже не радует, хоть и внешне похожа на годную.

– Пойдем-ка, Петров, поныряем в воде из проруби – Дракон едва сдерживался, чтобы не сорваться с места и не занырнуть поглубже. Нетерпение дракона выглядело так. Часть дракона наблюдала, другая часть рвалась куда глаза глядят, а семнадцатая часть не находила себе места.

– Не могу, что-то я приболел немного – проворчал Петров

– Что ты сделал? – удивился Дракон. Удивление было настолько сильным и искренним, что даже наблюдающая часть дракона наблюдала удивляясь.

– Заболел. Ты что никогда не болел? – Петров тоже изобразил удивление, но его удивление скорее делало вид, чем удивлялось.

– Это как? – Дракон обернулся на Волшебника. Тот пожал плечами и выразительно показал бровями на Петрова. Дракон медленно посмотрел на Петрова. Потом посмотрел чуть быстрее. Затем осмотрел бегло и поверхностно и промурлыкал – Излагай, Петров. Объясни, как это болеть?

– Что значит как? – ошалел Петров – Болеть это когда ты себя плохо чувствуешь, когда у тебя какая-то болезнь. У меня вот это (Петров произнес мудреное слово, Дракон икнул от неожиданности).

– И что? – Дракон был одним сплошным удивлением – У тебя вот это (Дракон, смакуя, повторил диагноз Петрова и смешно его исковеркал (диагноз, а не Петрова)) – Что это для тебя меняет?

– Я от этого лечусь – выдохнул Петров

– А без лечения никак? – с надеждой прожурчал Дракон

– Нельзя. Иначе болезнь будет прогрессировать – авторитетно заявил Петров

– Ладно. А разве нельзя не выяснять диагноз и значит не лечиться от него?

– Ты с ума сошел! Нет, конечно – Петров даже зашагал от негодования

– И, в прорубь нельзя? – пролепетал Дракон

– Нееееет! – закричал Петров

– А зачем такой диагноз, если из-за него нельзя понырять по прорубям? – Дракон так растерялся, что даже сел на пол, там где стоял

– Потому что... – начал Петров и понял, что не знает что ему сказать – Потому что... – попробовал он еще раз – и снова фальш-старт – Потому что....

– ...Потому что у людей так принято – спас Петрова Волшебник – Это очень удобно, когда есть диагноз. Тебя поймут, проявят сочувствие и подскажут как лечится. Если бы ты, Дракон, был человеком, то ты бы его понял.

– Единственное, что я понял, Петров не хочет со мной нырять по прорубям – обиженно засопел Дракон

– Нельзя мне – заскулил Петров – Я болен

– А расскажи как это. Болен? – попросил Дракон – Прямо сейчас

– Я себя плохо чувствую... – начал Петров и вдруг понял, что чувствует он себя нормально. Это знание было неожиданным и неудобным. Петров уже настроился, что он болеет, что будет жаловаться, мерить температуру, глотать таблетки и лениться. Но оказалось, что сейчас, это совершенно никому не интересно – Пошли нырять

Когда залезаешь в ледяную воду первый раз, самое главное ее не напугать. Вода ведь дремала, никого не трогала, а тут ты, весь такой горячий и желающий. Обязательно удержи

дыхание и макнись осторожно, смакуя ощущения. Вода тебе обрадуется, даст тебе столько силы, сколько ты в состоянии выдержать и вот тогда ты можешь пыхтеть, кричать и радоваться. И лучше всего это делать с теми, кому нет никакого дела до твоего диагноза

– А, ты знаешь? – Волшебник налил ароматного чая Дракону и подвинул мед – У людей еще принято считать, что чем ты старше, тем больше у тебя диагнозов

– Какой варварский взгляд на реальность – проворчал Дракон и с удовольствием отдал должное великолепному чаю.

Этой сказке уже хватит. Остальное оставим про запас. Когда нечего будет читать.

Предисловие к старости

Сонный снег неторопливо прятал остатки ночи. Две вороны переговаривались с соседних крыш. Ничего интересного они друг другу не сообщали, может поэтому так громко и орали. Обычное дело, чем бесполезнее новости, тем больше от них шума.

Удивительно, но снег почти не хрустел под ногами. Легонько поскрипывал, изредка вздыхая. Словно была у снега этого утра какая тайна, и сообщать о ней снег не торопился. В такие погоды хочется идти без цели. Так чтобы шагать, но как можно дольше никуда не добраться. Нулевое состояние души, в движении.

Приснилось существо. Говорили на универсальном языке снов. Когда вместо слов и образов используются целые миры. Удобный и компактный способ заговорить. Существо было знакомым, но не узнаваемым. Это значит, что встречались до этого и не раз, но так и не определились со способами. Поэтому остановились на импровизации. Если есть, о чем поболтать, то форма разговора не имеет решающего значения.

По мере взросления человек перебирает разные варианты самочувствия тела. Это неплохая идея для того, чтобы однажды найти свой неповторимый способ бытия. Чтобы уже не возвращаться к пройденным болезням и недомоганиям. При таком подходе на пороге старости человек здоровее, чем в юности. Ничего необычного. Многие из того что забирало силы и гнало навстречу экспериментам можно спокойно отбросить. Дети рождены, статус достигнут. Или нет, что в принципе ничего не меняет. Важнее то, что не нужно гоняться на половых партнерами или доказывать какой ты молодец. Можно Жить. Пора.

Существо намекнуло, что совсем необязательно дряхлеть и покрываться плесенью. Единственное к чему стоит подготовиться загодя, к одиночеству. Старость – это бесконечность вариантов одиночества. И если тебе скучно с собой уже сейчас, то в старости будет невыносимо. А значит, посвяти свое время тому чтобы быть интересным самому себе. Тогда можно и не болеть.

Аккуратнее с отменой привычек и делением их на вредные и полезные. Они помогли тебе дожить до данного момента, а значит не так уж они и бесполезны. А вот чувство меры штука полезная. Лучше недоперестараться, чем перенедопробовать. Общее направление понятно. Ничего нового. Но так как вариантов немного, то этот не самый плохой. «Уж лучше чем от водки и от простуд» – как точно подметил Владимир Семеныч, правда по другому поводу, но тоже о хорошем.

явление героя

– Я хотел постучать, но на двери была кнопка для звонка, рядом с глазком. И поэтому я зашел без стука. Где можно присесть?

– Где угодно.

– Это удобно, хотя и немного стесняет. Январь – представился он и торжественно склонил голову

– Мое имя вам, конечно же, известно – ответил я

– Конечно. Иначе, какой смысл приходить в гости?

Январь. Мужчина в рассвете лет. Крепко сложен. Слегка поредевшие волосы пепельно-серого цвета. Из-за седины или чего-то снежного. Колючий взгляд глубоко посаженных глаз. Глаза постоянно меняют цвет. От серого до небесно синего. Сильное рукопожатие. Двигается легко и уверенно. Одет? Одет. Про одежду сказать нечего. Ему удобно. Он зашел ко мне, в сумерках, через закрытую дверь.

– Моя очередь рассказывать сказки. Зимой это просто, но сложно начать. Январь дождливый месяц. Понимаю, это звучит странно. Особенно в месте, где морозно, лежит снег и можно ходить по ледяным озерам. Но дождливость единственное, что я наверняка про себя знаю. Дождливость основа января. А основу не выбирают, с ней рождаются. Я расскажу несколько сказок. И этого будет достаточно.

Без выбора

Ты просила сказку про палача. Нашлась только эта.

Уходить из города лучше всего на рассвете или закате. Рассвет обещает новый день, свежие силы и возможность открытий. После заката будет безлюдная ночь, ты успеешь привыкнуть и понять зачем ты все это сделал. Палач уходил налегке. Все, что необходимо Мир даст сам. При условии, что ты доверяешь Миру и согласен с его выбором.

Город закончился сразу, но отпуская от себя неохотно. Долго еще встречалось что-то, напоминающее о проспектах, улицах, переулках, толкотне машин, суете людей, непонятно зачем горящих всю ночь фонарях. В городе отходили от праздников и похмелье было тяжелым. Где-то причитала автомобильная сигнализация. Машина не могла дождаться хозяина, истерила один и тот же мотив, вызывая раздражение окружающих. Этот жутковатый, повторяющийся всхлип был лучшей иллюстрацией к тому, что происходило в душе у многих людей. Но они прятались в своих квартирах, плотнее закрывали окна и жалась у телеэкранов, тщетно пытаясь найти там спасение.

Палач шагал широко, не жалея сил и не выбирая дороги. Дорога сама ляжет тебе под ноги, как только ты поймешь куда и зачем тебе надо. А пока это знание недоступно, можно позволить себе просто свободно идти, без оглядки.

У солнца на закате и рассвете есть положение, когда ты не понимаешь, а какое время суток сейчас. Об этом знают люди, которым часто приходилось встречать и провожать солнце. Рано или поздно, каждый их этих людей замечал странность солнца, мысль эта казалась важной и необходимой. Но постепенно человек к ней привыкал и забывал о ней. Почему-то мы быстрее всего забываем именно о важном. Палач усмехнулся. Знание времени суток практически бесполезно, если ты уходишь.

Мелькнула огромная тень. Палач не сбавил шагов. Тень исчезла за кустами, появилась ближе и оказалась большой собакой. Собака не торопилась приближаться, кружила вокруг, время от времени приносясь. Палач ступил на ненадежный лед небольшого озера. Под ногами время от времени что-то потрескивало, отдаваясь ледовым эхом. За спиной послышалось прерывистое дыхание и частые тяжелые шаги. Кто-то пытался догнать. Палач почувствовал опасность в последний момент, пригнулся и шагнул в сторону, сохраняя островок равновесия, но исчезая для невидимого противника. Огромный человек, ахнул что было сил тяжелым топором по воздуху. Топор ударил об лед, пробил его и человек не удержавшись, тут же провалился. Несколько мгновений и все было кончено. Нападавший не выпустил топор и тот утащил его под лед. Палач пошел дальше. Смерть взяла свою плату.

Собака не отставала, постепенно смелея и приближаясь все ближе. Она нуждалась в хозяине, но ждала, когда ее позовут. Так они и шли. Вместе, но каждый сам по себе. Для того, чтобы продолжать жить, полезно уходить. Необязательно от кого-то или из города. Можно просто на прогулку. Прогулку без цели и времени. Доверившись выбору Мира. Это звучит странно, но в том городе где мы живем, есть много мест, где мы никогда не бывали. И попасть туда можно лишь единственным способом, не выбирая пути. Неизвестно, что ждет там и ждет ли что-то. Но так ли это важно для того, кто идет, не делая выбора.

Предсказка

Она расшаркалась. Как умела. Не очень изящно, скорее неуклюже. Но тут важнее само действие, чем исполнение. Дракон с удивлением ее заметил и многозначительно промолчал. Многозначительное в исполнении Дракона удивительно однозначно и неповторимо. Жаль, что она была слишком увлечена собой и значит перепугана. Не заметила и этим окончательно подтвердила свою принадлежность.

Во вторник случается невозможное. Понедельник сделал, что мог. Среда еще не вошла в силу. Самое время. Помешать некому. Но? Да ладно. Кто обращает внимание на это «но», да еще в финале вторника? К тому же зима, снег очень кстати, и у ворон потребность понырять в сугробы.

Благоприятное время.

Ты не бойся! Потому что бояться уже поздно. Какие-то там шестеренки Мироздания решили сегодня совпасть именно таким образом. Ни хорошо, ни как-то иначе. Тебе достался самый бездарный сказочник этого измерения. Но это и ничего, может он сможет не так уж все испортить.

Записывать сказки – дело тонкое. Требуется деликатного отношения к случайности. А вдруг, повезет?

Это Дракон. Он выглядит сегодня вполне заурядно. Слегка под виски и банален до дрожи. Это нормально. В отличии от людей, у Дракона нет повода кривляться и показывать то чего у него нет.

А это Волшебник. Правда, обычный? В этом его фишка. Он любит делать незаметные чудеса и привычную волшеббу. Говорят, что это под силу только Великим. Это принцесса! Не веришь? А зря! Она – настоящая! Петрова ты уже знаешь. С вороной и Хрунулой познакомишься по пути из дома.

Да, теперь на тебя будут обращать внимание птицы. Не прозевай шанс. Я – сказочник. Так случилось.

Рождение новой сказки. Что я могу с этим поделать? Ни-че-го! Мне даже неизвестно продолжение. Если оно конечно будет. В любом случае, Добро Пожаловать!

Сказка зимнего невоспоминания

Здесь. Слово. Обычное слово. Что должно произойти, чтобы оно изменилось? Кому такое под силу? Автору? Скорее нет. Читателю? Возможно. Тогда кому?

Зима подсказывает сказку. Ели укутала. Заботливо так. Интересно, а как там, под еловыми лапами, покрытыми шапками снега? Лапы у ели. Она что умеет ходить на этих лапах? Тогда почему? Между лопаток чуешь внимательный взгляд. Оглядываешься. Никого. Кроме ели. Ели? Быть этого не может!

Тоненькая, едва различимая, пленочка под названием Жизнь. Бережет, пока может. Не веришь в такое. Сам что-то пытаешься сделать, чаще мимо. Жизнь поддается, прогибается, но если ты встретил это утро проснувшись, значит справляется. Смысла в происходящем нет никакого. Кроме дикого убеждения, что потом что-то еще будет. Найти бы источник этого убеждения. С чего это ты решил, что после всего, что-то еще может быть? Пока же репетируешь. Убивая отношения, калеча чувства, извиваясь под равнодушным взглядом совести.

Человек забывает про себя незаметно. Так тоже можно жить. Не помня о том, какие у тебя руки, ноги, лицо. Они же вот они. Самовнушение помогает ненадолго. Потом придумываешь себе что-нибудь. Подсыпаешь важности и без аппетита пробуешь. Так и не вспомнив, а какие у тебя руки. Так странно. Всего-то и нужно, закрыть глаза и вспомнить о том, какие у тебя руки. Почувать один палец, потом другой, потом всю лапу. Как же это оказывается непросто. Воспоминание плывет, теряется, очертания руки почти неосязаемы. Вспомнить ногу, задача из высшей практики воспоминаний. Но почему? Ты же с этим всегда? Тебе повезло и ты цел. На месте пальцы. Они слушаются тебя, но ты их не помнишь. Теперь живи с этим дальше. Решай, вспомнить себя, хотя бы частично или подарить свою Жизнь несуществующей важности, что еще пару мгновений не существовала.

Вместо тебя под елку залез кот. Осмотрелся. Сладко потянулся, легко встал на задние лапы, подтянулся и исчез. Может просто залез под лапы, а может стал частью ели. И это коты смотрят тебе между лопаток, когда ты поворачиваешься к елке спиной. А ты даже не можешь вспомнить тела, в котором обитаешь.

Опасная сказка записалась. От такой просто так не отмахнешься. Прочтешь и покажется, что забудешь. Но потом, вдруг обратишь внимание на то, что раньше не беспокоило. Подумаешь, что отравлен сказкой. А это слово. Обычное слово. Здесь. Что-то произошло. И оно изменилось.

Ошибки повторения притворного забвенья.

Отмашка на возможности проснуться в феврале,

Хотя себя не помнил в январе, и в декабре скорее позабыл, чем нет...

Привет!

Сказка о важном. И заодно про чай

Скромное здание называлось пафосно: «Супермаркет». Вокруг, как сейчас модно, играла веселая музыка. На заснеженной крыше танцевала ворона. Увидела Сказочника, остановилась и троекратно проорала приветствие на всеобщем языке. Это было красиво. Из клюва шел пар, взъерошенные перья увеличивали птицу в несколько раз. И конечное же изящный реверанс на краю крыши. Тут грянула бравая мелодия, ворона подбоченилась и пошла кругом, потешно раскачивая головой из стороны в сторону.

Кот кроме кошачьего где-то выучил язык сопения-ворчания-вздыхания-закатывания глаз. На этом языке можно легко выразить самые тонкие переживания. Достаточно короткой фразы в виде обреченного вздоха или шумного сопения, чтобы сразу же всё было понятно. Чтобы тоже самое сказать словами или промяукать, понадобится минут пять, если не собьешься или не запутаешься. Про закатывание глаз невозможно ничего сказать определенного. Наглядно, просто, эффективно. Сидишь забытый на балконе, через закрытую дверь тебя всё равно не услышат, но можно закатить глаза и отвернуться. Кому хочешь после этого станет стыдно.

Дракон, в оранжевом халате, угощает Сказочника чаем. Для удобства общения дракон принял облик человека (почти принял, но это же Сказочник, при нём можно без церемоний). Чайник заистерил на кухне, предупреждая что он закипел и ни за что после этого не отвечает.

– Иду-иду, чего разорался? – Дракон не спеша бредет на кухню, по пути наставляя чайник. Это обязательный ритуал. Иначе чай может и не получиться. Раздаются какие-то шорохи, кто-то (и это явно не Дракон) произносит фразу на несуществующем языке. Странно не то, что такого языка нет, а то, что понятно, что именно хотел сказать собеседник – Без сопливых знаю, что имбирём чая не испортишь – ворчит Дракон – Знал бы ты кто научил людей пользоваться этим волшебным корнем? Ты не поверишь, но это драконы! Мед какой страны ты предпочитаешь в это настоящее? – эта фраза предназначается Сказочнику.

– Полагаюсь на твой вкус – кричит Сказочник. И это тоже часть чаяпития. Вместо того, чтобы пойти на кухню и нормально поговорить, орать через всю квартиру.

– Тогда вот – Дракон заходит через балкон, хотя уходил по коридору. Но это мелочи. На столе появляется изящный чайник, чем-то напоминающий лампу, в которой заточили джина. Мед, две пиалы и что-то явно вкусное, но непонятное. Кот принципиально сопит, усевшись рядом со сказочником. Коты чай не любят, и постоянно высказываются по этому поводу.

– Коту не верь. Он только что навернул оливкового масла и сейчас просто ищет собеседника – Дракон ловко разливает чай и жестом приглашает начать. Умеет, что тут скажешь. Чай выше всех похвал. Он еще ни разу не повторился. А жаль, многие из чаев Дракона хотелось бы попробовать еще раз.

– Расскажи про людей – Сказочник блаженно жмурится. Кот о чем-то пыхтит, потом закатывает глаза, получает от Дракона что-то из вазы с вкуснятиной, смахивает это на пол и начинает увлеченно играть – Нашел собеседника по вкусу!

– Сегодня о странном! Об отношении к хорошему – Дракон делает глоток и замирает. Жутковатое зрелище, хищник перед фатальным для жертвы прыжком – Сначала люди мечтают о хорошем, всячески этого добиваются. Потом получают хорошее, но умудряются при этом постоянно быть недовольными. Затем делают всё возможное чтобы хорошее потерять. Когда потеряют, то жалуются, что хорошее испортило им Жизнь, потому что теперь приходится сравнивать хорошее с тем, что есть. Пошаговое описание странного – ложка с медом

исчезает в недрах Дракона (ложка остается, мед исчезает, но ради фигуры речи не хочется их разлучать) – Непонятно зачем желать того, что потом испортит тебе Жизнь?

– Это как раз понятно – Сказочник подмигивает коту, тот делает вид, что не заметил – Непонятно зачем называть это хорошим.

– Да. Отличный сегодня чай – Дракон прикрывает глаза и раскачивается в такт только ему слышной мелодии – Видел, как ворона сегодня выплясывала? Я тоже видел! Не ожидал, что неё такое чувство ритма и отличный музыкальный слух...

Где-то, кто-то обязательно пьет чай. И неторопливо беседует при этом. За чаем никуда не хочется спешить. В любой непонятной, а особенно понятной, ситуации выпей чаю. Это еще никогда и никому не помешало.

Сказка без обещаний

Обещания даются скорее по привычке. Опрометчиво доверяться обещаниям, странно обещания игнорировать. С присказкой на этом всё, а со сказкой непонятно.

Понятие энергетика человека было придумано одним предприимчивым парнем. И очень грамотно раскручено. Адекватных способов измерить энергетика не было предложено (да и не могло, потому что сложно измерить то, что существует лишь в воображении), но ловко подменились некоторые эффекты, которые вроде как могли бы иметь отношение к энергетике. Дальше по накатанной схеме. Даже были ссылки на мистиков прошлого, благо те уже не могли что-то возразить. Ну и энергию заодно приплели в ту же кучу. Вызвав улыбки и недоумение физиков. Почему-то разделив энергию на положительную и отрицательную. Это все равно что тепло от печки объявлять плохим или хорошим по причине того какой человек греется.

– Не общайтесь с плохими людьми, у них отрицательная энергетика – вызывает авторитет по энергетическим практикам (прости Господи, термин-то какой). Ему верят. Во-первых, потому что авторитет говорит, в десятых, потому что с «плохими» людьми и, правда, общаться неудобно. Выяснить, почему возникает такое неудобство, не хочется. Как и разбираться в том, почему один человек для кого-то очень «хороший», а для кого-то неизлечимо «плохой». Энергетика у них разного разлива – у одного «положительная», у другого соответственно «не». Авторитет врать не будет. Хотя, если уж по-честному, то авторитет ничего не обещал, он говорит лишь то, во что готовы поверить.

Люди воровали всегда. Нарушая заповеди и уголовный кодекс. Как вору известны лишь те из них, кого поймали. Неумелый или неудачливый вор необязательно плохой человек с негативной энергетикой. А сколько «положительных» воров прожили добропорядочную Жизнь и остались в памяти, как очень хорошие люди. Какой славный критерий! Пока не пойман – у тебя та энергетика, какая надо. И если бы речь шла только о воровстве и только о «плохом» и «хорошем».

Тише-тише. Это же просто сказка. Ты же человек разумный и понимаешь, что не все так однозначно. Это же только в сказках сразу понятно кто есть ху. А не в сказках обещания дают не для того, чтобы их выполнить, да и врут часто. Так что, если что, то ты не виноват. А сказочник хорошо устроился. Можно подумать, что открыл неизвестную до этого землю. Все всё прекрасно понимают.

Не дели неделимое без нужды. Лучше от этого не будет, но возможно будет понятнее. Если смотреть на человека, не разделяя его части, то человек выглядит не так уж и сложно. Не плохим и не хорошим, а человеком. С набором разнообразных эффектов, которые по-разному срабатывают в разных обстоятельствах. Интересно, что в сказке почему-то проще, чем в не сказочной Жизни. Может, поэтому люди так тянутся к сказкам. Там, как ни странно, правды больше?

Придуманная сказка

Она придумала его во вторник. Вторник – удобный день. Вклинился между понедельником и средой, минуя четверг и не дожидаясь пятницы. Если вам это не кажется странным, значит вы поклонник воскресенья и субботы. Она придумала, едва его увидев. Так чаще всего и случается. Не разглядев, мы бросаемся в омут мечтаний и предвкушений. Было поздно. Не только потому, что в городе гостила ночь, было поздно для того, чтобы не обращать внимания.

Придуманный Он был несовершенен и поэтому особенно притягателен. Он волновал неожиданностями и странностями, а еще своей недоступностью. Он вроде бы где-то и мог существовать, но для Нее был реален. Сначала она подружилась с Ним, потом полюбила и наконец, привыкла. Рассказывала Ему свою Жизнь, делилась происшествиями и радостными находками. Хвалила и легонько подтрунивала. Это было по-настоящему, гораздо сильнее, чем в привычной и однообразной обыденности.

Он. А что Он? Живет, ходит, ест, спит, читает ее представления о Нем, не подозревая. Как и большинство мужчин, Он недогадлив и не умеет разглядеть главное мимо слов. Для Него происходящее с Ней – просто блажь. Он даже не затрудняется объяснить почему, хотя мог бы. Его Жизнь изменилась? После того, как Она его придумала? Его Жизнь изменилась после того как Она его придумала. Сделала Она это так легко и мягко, что Он ничего не заметил или сделал вид, что не заметил. Это уже неважно для того кого придумали и всегда неважно для того, кто придумал.

Они расстались. Или расстанутся. Это неизбежно, если люди никогда не встречались. И почему-то обидно. Такой финал претендует на обидный, но не получит приза даже как грустный. Мужчины не обратят внимания, а женщинам будет не до этого (они придумают кого-то другого).

Сказка с настроением

Настроение у зайца... было. Нормальное такое настроение. Заячье настроение устроено просто. Оно или есть, или это не настроение. Есть человеческому настроению у кого поучиться.

Был понедельник. Вторник уже выглядывал из-за минутной стрелки. Шел снег, нервно переходящий из степенного снегопада в истеричную метель. До февраля еще было немного времени, но все было и без того понятно. Беспокойство. Такова тональность этого момента.

Бояться глупо. Но особенно глупо бояться этого бояться. Финал предопределен еще до рождения и с этим трудно что-то поделать. Правда есть еще целая Жизнь, неизвестной продолжительности со смутными перспективами. И это пугает особенно. До тянущего холода и невозможности перевести дыхание. А потом происходит смерть. С кем-то из близких или просто рядом с тобой. Происходит не вовремя, буднично и словно бы понарошку. Ничего не изменить. Шкала ценности обнуляется, и ты получаешь шанс сделать что-то иначе.

Планы на будущее. Важные приобретения, заделы с возможностью продолжения. Это все солидно и правильно. До тех пор, пока коротенькое тире не прыгнет между двумя датами и отсчет будет закончен. Бойся или не бойся. Копи или будь транжирой. Великое будничное отнимание все уравнивает.

Охотник перестарался и промахнулся. Заяц, оглушенный, но фантастически быстрый и Живой, бежал по пушистому снегу, оставляя за собой неровные следы. Бежалось легко. Казалось, что еще немного и можно будет взлететь. И настроение ...было. Как и положено.

Нам выпало встретиться странным образом и не встретиться как положено. Нельзя назвать это знакомством, но глупо отрицать очевидную близость. Сны, слова и возможность придумать остальное. Этого точно глупо бояться. Особенно бояться этого бояться.

Февраль

Сказка безупречности

Легко. Легко? Легко! Делать легко, значит делать, не опасаясь ошибки? Потому что у тебя такой запас умений, что можешь запросто ошибку исправить или позволить? А вдруг ты не боишься ошибок? Не очень умеешь, но ошибок не боишься? Тогда легко не получится. В «легко» умение зашито по умолчанию. Ты сначала должен научиться делать хорошо, а потом уже можешь «не бояться». Иначе конфуз неизбежен.

Ворона шагала. Со стороны можно было подумать, что птица рехнулась на всю себя. Ворона шагала прямо, криво, назад, вбок и «неизвестно куда получится». Она испытывала шаги на возможность шагнуть, так как еще никто не шагал.

Шагам нравилось. Снег вокруг вороны покрывался затейливыми письменами. Тишина заглянула полюбопытствовать, да так и осталась полюбоваться. Ворона шагала. Она даже не подозревала о том, что затачивает свою безупречность. Она шагала.

Если заварить кашу под названием «безупречность», то основу будет составлять важность. Для безупречного тебя все одинаково важно или одинаково неважно. Так не бывает при обычном рационе Жизни. В обычном первом, втором и десерте важность очень важна в определенных пропорциях. Как усилитель вкуса и приятная приправа. Это движитель, мотиватор и знамя победы. Убери важность из меню человека и все потеряет смысл, вкус и направление. Но важность еще и якорь, цепь и оковы. Чем важнее что-то для тебя, тем меньше легкости в твоих движениях и поступках. И нет золотой середины. Пока есть важность, компромиссы невозможны. А когда важности нет или все одинаково важно, то компромиссы не нужны.

Петров подошел к вороне и поздоровался. Ворона выполнила несколько замысловатых шагов, развязала шнурки на ботинках Петрова, улыбнулась и улетела. Безупречное существо легко обходится без церемоний. И не обидно почему-то.

Петров взял да и шагнул. Зря он это. Шагнул-то не куда-то по важному делу. А просто так шагнул, куда-то. Потом шагнул еще раз и еще. Петров топтался на месте, делал огромные шаги и семенил. Бестолковее этого занятия было трудно что-то придумать. Но оно почему-то нравилось. Словно бы эти бессмысленные шаги оставляли в Вечности неизгладимый след.

Мир людей в основном состоит из важных людей. Подверженных той или иной форме важности и прекрасно себя при этом чувствующих. Практикующие безупречность трудно различимы на общем фоне, и держатся в тени. Не от излишней скромности, а по причине отсутствия важности. Легко. Как шагать. Не ради чего-то и не во имя великой цели, а исследуя еще не испробованные направления.

Всеобщая арифметика бреда

– Шауркал – продумал исполинского вида и выпрямил на вдохе – Оскуринашь и брамсы впрок!

Исподволь нарубившись отменного, василиск исполнил и наклонился. Восемнадцать отметились и были горазды. Что еще может так насторожить, как не отпуск взахлеб? Мягонько буранило и одухотворенно фонило. Истула!

Возможность бреда гарантируется вдохновением или диагнозом. Иногда это совпадает, чаще обескураживает. Но редко кого останавливает. В первом случае это необходимо, в остальных неотвратимо. Не будь валенком, будь валенком. Двойное отрицание ведет к разборчивости и каннибализму рассудка.

Машшшурь – из-за стрежня на стремяне несло и благоухало – Как бы не кряк, всяк в свой пермяк – нелогично констатировал забубенный.

Если отмерить чуть за середину, то до вторника крылом подать и рукой до пятницы. Про четверг лучше не заикаться.

А понедельник? Сами напросились. Вот вам всеобщая арифметика. В году чуть больше пятидесяти дней. Как? А вот так...

Сколько понедельников в неделе? Правильно. Сколько недель в году? Всем известно. Значит в году примерно пятьдесят понедельников. Почему примерно? Потому что не всякий год начинается с понедельника. Соответственно вторников примерно столько же, и даже воскресений. Вот. Еще непонятно? Ты можешь прожить только один понедельник в неделю.

И пятьдесят с небольшим понедельников в год. И не можешь одновременно прожить и понедельник и вторник. А значит...

Остается открытым вопрос с пятницами, которых, как известно на неделе может быть семь. Но может тогда, когда идет речь о том, что в году 365 дней, то речь идет исключительно о пятницах?

Всеобщая арифметика она такая арифметика, что даже логикой отдает и забирает. Когда-то параллельные прямые были вынуждены пересекаться только за горизонтом, а частицы не могли находиться в одном и том же месте. И это не помешало, кому-то взять и заглянуть за горизонт или провести недопустимые с общепринятой точки зрения эксперименты.

Жимолость особенно хороша, когда. И нет пророка, там, где его нет. Любишь кататься, люби и катайся.

С четверга на пятницу. Точно в два

– Не шипи на меня – Грокуля закатила переглазки и зашлась – И прекрати думать в ритме загадочной переклички.

– Ты чего это? Тааань? Это я! За рукой следи! – Петров попробовал пощелкать пальцем и с ужасом перемешанным в удивление, обнаружил вместо ладони что-то перепончатое и невыразимое звонкое – Ааааа – хотел сказать Петров, получилось что-то вроде – Гррррвхохшзззз

В мобильных есть будильники. Они для того, чтобы в нужное время подать сигнал о том, что пора. Людям удобно, будильникам приятно, мобиле все равно. Но не все так просто. Потому что волшебство любит очевидное и привычное. И оно происходит за полтора мгновения до срока.

В ночь с четверга на пятницу, ровно в два часа ночи. Заветное время для того чтобы творить всякое разное. Или просто спать. Но это совсем банально. Потому что таких двух часов ночи в году не так много. И взять их и просто проспять, это конечно жест глупости достойной королей.

Петрову Дракон рассказал. Вот же змей, хоть и Дракон. Говорят, что Кота в Драконе больше чем змеи, но точной пропорции никто не знает. Зато коварство точно имеется. Или это любопытство? Вечно их путают. Дракон закатил глаза и громким полусшепотом поведал о заветном времени. Петров поверил. Поставил будильник на 1:59, чтобы успеть хотя бы немного проснуться. Дальше все как снежный ком с горы.

Сумеречное состояние, когда застреваешь между явью и неявию. Будильник старался как мог. Но кто его слушал. Кот запрыгнул и ловко заткнул буяна лапкой (кто бы знал, что он так умеет). Петров вместо того чтобы проснуться, напрямик уснул в волшебный сон. В два часа ночи с четверга на пятницу.

В большинстве случаев про сны все врут. Потому что пока ты внутри сна тебе не до того, чтобы запоминать, а когда проснулся то уже поздно, чтобы вспоминать. Остаются ускользающие ощущения и затухающие ассоциации. Вот на их основе и врут сны. Или перевираются (как кому удобнее). Но это сны обычные. А есть сны, которые не забыть, как ни старайся. И ни слова про них не скажешь мимо. Петров в такой сон и угодил.

Так приятно встретить того, с кем никогда не виделся, но очень бы хотел. Пусть даже и во сне. Что без разницы. Разница потом возникнет. Танька была как настоящая. Именно такая, как и должна быть. Даже лучше. Только почему-то перепуганная какая-то. А потом началось...

Как они там не поубивали друг друга остается загадкой. Хорошо Дракон подоспел. Ему конечно тоже перепало. Грокуля прокусила ему третье ухо и завязала хвост в пяти местах. Петров нагадил какой-то волнующей субстанцией, ее не могли загнать на место снов пять, не меньше. Волшебник так хохотал, что изобрел два способа переворачиваться не сдвинувшись с места. Но все обошлось.

Они проснулись. Каждый там, где уснул. Танька за тысячи километров. Петров еще дальше. А Дракон с Волшебником вроде как и не засыпали. Жаль, что повидались вот так. Но ведь повидались.

Сказка не про слова

– Что читаешь, Фрол Кузьмич? – Волшебник уселся напротив Петрова и превратился в сплошное внимание. Если вам когда-нибудь случится беседовать со сплошным вниманием, вы поймете состояние Петрова. Он не мог не ответить.

– Можно подумать, что волшебник не может узнать об этом не спрашивая – попытался связвить Петров.

– Конечно может, но если вопрос задается словами, то значит, что и ответ ожидается словами – Волшебник не сводил с Петрова взгляда. Так смотрят на потенциальную жертву коты или влюбленные.

– Зачем слова, если и без слов все понятно? – не унимался Петров.

– Слова изначально были созданы не для того, чтобы с их помощью делиться информацией. Передача информации словами – это случайный побочный эффект, неожиданно ставший популярным – Волшебник еще поддал внимания и Петров понял, что если он сейчас же не ответит, то просто лопнет.

– Я читаю о человеке, который обрел счастье и мудрость

– Еще одна бесполезная книга – улыбнулся Волшебник, но внимание не убавил.

– Очень даже полезная – обиделся Петров

– Хорошо написана? Сюжет увлекательный – не унимался Волшебник – Чем она так хороша?

– Написана не очень хорошо, да и сюжет слабоват, но зато вдохновляет.

– Вдохновляет? Фрол Кузьмич, тебе нужно вдохновения для того, чтобы обрести счастье и мудрость? Вроде бы это базовые потребности любого нормального человека. Как еда, сон и продолжение рода.

– Значит я ненормальный – психанул Петров – Меня вдохновляет!

– Конечно ты ненормальный, иначе бы не общался запросто с волшебниками, драконами, сказочными принцессами и другими чудесами. Но зачем тебе пример другого человека, который уже давно не с живыми? Ты ведь даже поговорить с ним не можешь. Он жил когда-то, наверное был счастлив и мудр. Чем тебе это поможет стать счастливым и мудрым?

– Как это чем? – У Петрова было много слов, чтобы возразить Волшебнику. Слишком много, настолько много, что он буквально онемел. Было очевидно, что Волшебник неправ. Было чем возразить, но сказать при этом нечего. Слова переполнили Петрова и лишили дара речи.

– Отравился словами? – Дракон был похож на заботливую придурковатую бабушку. Он обошел Петрова, зачем-то обнюхал и прошептал на ухо – Дыши глубже. Выдооох. Выдох. Дыши, а иначе тебя разорвет.

Петров дышал. С каждым выдохом он расслаблялся, успокаивался и неожиданно уснул. Может и к лучшему. Он не видел как Волшебник с увлечением читал книгу про мудреца, что обрел счастье.

Дракон укрыл Петрова пледом, и замер у окна.

– Жаль, Фрол Кузьмич, что не умеешь ты слышать слова. Тогда бы ты узнал, как много сказал своими короткими ответами. Хотя это и к лучшему. Вон как умаялся. Спи.

Странное происшествие с Петровым

Пять ворон сидело ровным полукругом. Другая балансировала на тоненькой веточке напротив. Пробегающая мимо собака хотела что-то твякнуть по этому поводу, но тут же получила по лбу увесистым комком снега. Закашлялась и убежала от греха подальше. Вороны молчали и кого-то поджидали. И дождались...

Петров широко шагал по едва заметной тропинке. Радовался морозному утру, себе и Миру вокруг. Это была та независимая радость, что накатывает внезапно и мгновенно окрывает. Снег аппетитно хрустел под ногами, мороз пощипывал за ушищекинос и Жизнь была прекрасна. Инсталляцию из шести ворон Петров приметил издали. Сначала думал, что показалось, но чем ближе подходил, тем больше удивлялся.

Вороны подпустили Петрова поближе. Церемонно отвесили коллективный поклон на его приветствие. А потом одинокая ворона каркнула, что было сил, прямо в сидевших напротив птиц. Те, недолго думая, гаркнули в ответ. Эффект был невероятный. Петров на мгновение оглох и потерял способность видеть, с его головы слетела шапка, а из ботинок исчезли шнурки. Тут же поднялся ветер, раздался хохот, постепенно перешедший в хихиканье. И всё стихло.

Представьте, что некий волшебник одним резким движением выворачивает вас наизнанку, потом таким же движением возвращает все как было. Так чувствует себя покрывало, которое два человека стряхивают, взявшись с четырех концов. Петров не мог понять открыты у него глаза или закрыты. Неудобное ощущение, когда не знаешь, что следует сделать – открыть глаза или закрыть. Петров чихнул и очнулся.

Ворон не было. Остальные части Мира вроде бы были на своих местах. Чего не скажешь о Петрове. Он с одной стороны был Петровым, а со всех других сторон ничего не понимал. Словно сразу несколько воспоминаний решили забыться, но при этом оставить то самое чувство, когда вот-вот и вспомнишь. Ум был кристально чист. Словно никогда ни одной мысли в нем отродясь не бывало.

– Интересно, я ходить умею? – прошептал сам себе Петров и уверенно шагнул – Уже лучше. Ходить и шептать я умею – произнес Петров громче – Руки на месте, ноги на месте, голова вроде бы тоже. Вижу и слышу. Живой! – Петров облегченно рассмеялся. Смех получился легким и искренним. Было важно и приятно открывать, что ты есть и чуют какой ты есть, и удивляться беспричинности своего существования.

Что это было? Чего такого затеяли эти странные вороны? Хотя нет. Вороны были самые обычные, но вот то что они сотворили было странным? Как теперь Петрову с этим Жить? Хорошие вопросы. Но бессмысленные. С Петровым случилось вот такое происшествие. И это все, что можно сказать по этому поводу.

Еще одна заботливая сказка

Это заботливая сказка. Она присела неподалеку. Разложила какие-то диковинные карты и играет сама с собой, иногда поглядывая на сказочника.

Существуют тысячи и еще один способ заботиться о другом человеке. Тысячи способов разнообразно рассказывают о том, как тяжело и трудно тому, кто заботится. И только один и единственный способ посвящен тому, о ком заботятся. Как всегда. Настоящее просто и банально. Наносное и придуманное вычурно, ярко и неоднозначно.

В тысячах способов заботы явно или скрытно звучит один и тот же мотив. Его легко узнать по ключевым фразам: «Ты не ценишь моей заботы. Я отдал (а) лучшие годы своей жизни. Я места себе не нахожу. Я сил не жалею, чтобы тебе было лучше». Этих фраз гораздо больше, так ведь и способов немало. Заботливая мать обрывает телефон, заботливая жена пилит любимого мужа, заботливый отец обеспечивает материальное и прочее благосостояние своего чада. Всё нормально. Это Жизнь. Со своими ролями, которые обычно вполне устраивают обе стороны. Правда вот большая часть разводов, разрывов, испорченных отношений происходит именно из-за тысяч забот.

Сама страшная фраза для заботящегося тысячами способами звучит просто: «Мне нужно побыть одному» или «Я сам приму решение». Это взрыв мозга! Как? Как посмел тот, ради кого потрачено столько всего – «побыть один». Почему не рассказал о своих проблемах? И понеслась....

Единственный способ заботы практически незаметен. Что-то сделанное вовремя, подставленное плечо и ни слова о том, как трудно заботиться. Тебя выслушают, с тобой помолчат и не будут навязывать свою помощь. Такую заботу можно заметить у людей, что прожили долго вместе. С возрастом бывает сложно сдерживать эмоции. И в момент, когда ты готов вспылить, тебя осторожно трогают за руку. Тайным кодом заботы. И ты останавливаешься. Вовремя.

Позволить другому Жить. В этом и состоит единственный способ заботы.

Если вы озабочены духовным поиском. Практикуете техники медитаций и воздержания. Тратите кучу времени и средств на тренинги и литературу. Добавьте в свой арсенал один способ заботы о другом человеке. В котором не будет того, кто заботится, а будет лишь тот, о ком заботятся. Это трудный путь. Будут срывы и бессонные ночи. И никто не подскажет, а как же правильно. Но на этом пути вы узнаете гораздо больше, чем за тысячи часов духовных практик. Потому что тут всё по-настоящему. Не спрятаться, не сбежать, не отговориться.

Сказка собирает свои карты. Сладко потягивается. Осторожно подходит к спящему сказочнику и накрывает его пледом. Чешет за ухом кота и шепчет ему что-то смешное, оба тихонько хихикают. А потом исчезает. С кухни слышно, как течет вода и тихонько стучат тарелки.

Берегите других от своей заботы.

Сказка с верой

– Не важно, веришь ли ты в волшебство – Волшебник подвесил в воздухе драматическую паузу. Красиво получилось. Пауза кокетливо вертелась, делала «страшные» глаза и при этом внимательно наблюдала за тем, хороша ли она. Волшебник ободряюще подмигнул паузе и продолжил загадочным, сказочным голосом – Глааааавное, чтобы волшебство в тебя поверило! – и замолчал.

– И? И что мне с этим делать? – Петров честно подождал. Уже и пауза неторопливо растаяла, и снег за окном несколько раз принимался, но потом передумал. Петров честно верил в то, что ожидание поможет ему понять смысл сказанного волшебником.

– Что хочешь, то и делай – проворчал Дракон – Ты мозги включи и соверши мыслительное усилие или мозги выключи и не мешай пониманию.

– Не помогло – заныл Петров – Я ведь не просто так ждал, я же честно пытался

– Кому нужна твоя честность, если она тебе самому не помогает – отрезал Дракон

– И чего вы препираетесь? – проворковал Волшебник. Он, по обыкновению, занимался странным. Смотрел куда-то вверх, в очевидную пустоту. Лево́й рукой показывал пустоте поднятый вверх большой палец (жест, означающий «ВО!»), а право́й посыпал на этот палец, что-то невидимое. Словно бы приманивал какую-то птицу: «Цыпа-цыпа-цыпа» – Я дал прямое указание к действию. Прямее уже некуда. Если его выпрямить еще сильнее, то оно уже искривится.

– Указание? К действию? – Петров развел руки в стороны – Какому действию?

– Очевидно же, что к волшебному – вспылил Дракон. В воздухе даже возникло небольшое облачко веселого огня. Волшебник покачал головой и погасил облако. Кивком головы погасил.

– Вот в кого или во что верят люди? – Волшебник не ждал ответа и продолжил – Например, в Бога. В конкретного или в абстрактного. А верит ли этот Бог в тех, кто в него верит? Люди ведь не просто так верят. Они придумывают свод правил и указаний. Пытаются им следовать. Не красть, не убивать, не унывать. Соблюдают посты, прославляют Бога и творят Ему молитвы. Зачем они все это делают?

– Зачем? – повторил вопрос Петров – Неужели затем, чтобы Бог в них поверил?

– Я откуда знаю – выдохнул Волшебник – Ты у тех, кто верит, спроси.

– А для кого тогда ты этот пример привел? – удивление Петрова почти достигло предела.

– Для тебя, Петров. Вдруг он тебе поможет. Вера – дорога в обе стороны. С одной стороны важно самому искренне верить, с другой стороны немаловажно, чтобы и в тебя поверили. Неплохо делать что-то для поддержания своей веры (на Бога надейся, а ишака привязывай), но при этом и оставлять поле действий для объекта веры, чтобы Он мог бы как-то тебе поспособствовать. Не все самому тащить, а доверять свою Жизнь тому в кого веришь.

– И что это дает? – не унимался Петров. Он уже догадывался, к чему клонит Волшебник и даже перестал сердиться на Дракона, но удержаться от вопросов не мог.

– Возможность дает – вздохнул Волшебник – Если Волшебство в тебя поверит, и ты позволишь Ему вести тебя, то это изменит и тебя и твою Жизнь.

– Я стану волшебником? – не поверил Петров

– Не обязательно. Волшебниками не становятся, волшебниками случаются. Но волшебное может стать частью твоей Жизни. Что об этом зря говорить. Когда это случится, сам все увидишь и поймешь.

– Значит, если я буду изо всех сил верить в волшебное, но при этом не мешать ему верить в меня... – размечтался Петров.

– Это ничего не значит, чудак – Дракон сладко потянулся – Никто никому ничего не обещает. Что-то случится. Но что именно и будет ли это волшебным, никто не знает. Что не является поводом считать иначе. Пошли лучше поиграем в снежные обещания!

И они пошли и славно поиграли. Вы не знаете, что это за игра? Тогда мне сложно будет объяснить правила. Можете свои придумать, если так хочется. Эта сказка уже закончилась.

Сказка без цены

Человек пробуждается, как только начинает обращать внимание на мелочи. А потом придает им значение. И это меняет всё или почти всё, что по сути одно и то же.

На автобусной остановке скамейка. На скамейке сидят мужчина и женщина. Женщина неподвижна, смотрит в пустоту перед собой. У мужчины на лице блуждает странная улыбка. В его глазах танцует безумие. Петров проходит мимо этой странной пары, и встречается глазами с улыбающимся сумасшедшим. Мужчина тычет пальцем в Петрова, мычит что-то бессвязное и бьет свою спутницу локтем по лицу. Женщина не обращает внимание на удар, но замечает Петрова и начинает истерично визжать. Вокруг никого.

У Петрова не было способов специально встретиться с Волшебником и Драконом. Чаще всего они его находили. Иногда помогала ворона. Пару раз с Петровым приключалось что-то настолько странное, что он непонятным для себя образом оказывался рядом с волшебным дуэтом. Сегодня помогла ворона. Петров заметил, что ворона завязла в глубоком сугробе. Птица кричала, била крыльями по осыпающемуся снегу, и еще сильнее проваливалась. Петров шагнул с тропинки, сразу провалился почти по грудь. Передвигаться по такому глубокому снегу было очень сложно. Он уже почти дотянулся до вороны рукой, как та неожиданно легко взлетела и. Петрова накрыло снегом. Когда снежная пыль рассеялась, Петров обнаружил себя сидящим в удобном кресле у камина. Неподалеку на полу сидел Дракон и играл с черным шаром.

Выглядело это так. Шар висел в воздухе перед Драконом и медленно вращался. Дракон делал замысловатые пассы руками и мурлыкал какую-то варварскую мелодию. Шар успешно уворачивался. А потом внутри шара появился глаз. А внутри этого глаза еще один глаз и еще один. Глаза возникали и возникали. Смотреть на это было невозможно. Оторваться от такого зрелища было выше сил.

– Рад тебя видеть, Фрол Кузьмич – пророкотал Дракон и ловким движением поймал шар. А потом шар исчез, словно его и не было – Выглядишь расстроенным, если не сказать больше

– Ворона устроила опять представление, я на него купился. Еще странных людей встретил на остановке. Но это не важно. Я вдруг понял, что не знаю цену своей Жизни.

– А зачем знать цену Жизни? И в чем ты собираешься ее оценивать?

– Не в этом дело. Просто оглянулся вокруг и понял, что часто уделяю много внимания тому, чему не стоило уделять внимание вовсе. Трачу свою Жизнь на всякую ерунду. Причем понимаю, что это ерунда. И продолжаю этим заниматься. И это бы ничего, но у меня нет того важного, на что стоило тратить Жизнь. Я не знаю, запутался. И чем больше думаю об этом, тем еще сильнее вязну. Как в том сугробе, куда меня заманила ворона.

– Хорошие мысли! – Дракон улегся на живот, и внимательно слушал Петрова, подперев голову руками – Смысла в них почти нет, но тут не смысл важен, а процесс – Цена Жизни? Вот ведь какая странная штука. Ты наверняка замечал, что часто то, что вчера казалось пустяком, сегодня оказывается чрезвычайно важным и наоборот.

– Конечно. А еще замечал, что нет тут никаких правил и никакой внятной закономерности. Получается, что невозможно наверняка знать важность происходящего с тобой. И тогда все мои переживания о ценности Жизни бесполезны?

– Почему? Следую твоей логике, сказать об этом наверняка нельзя – улыбнулся Дракон – Мне проще, Драконам не нужна логика, мы оцениваем происходящее по результату. Если твои мысли тебя так сильно зацепили, значит они важны для твоей Жизни. Таков результат этого момента Жизни. Смотри сколько разного ты уже надумал! – Дракон махнул рукой и Петров увидел телегу с одной оглоблей. На телеге, в беспорядке валялось разное барахло. Это было похоже на что угодно, но только не на мысли. Но ведь мы никогда не видели мысли вне головы – Есть еще что добавить?

– Конечно – поспешил сказать Петров и понял, что мысли о ценности его Жизни закончились. Он несколько дней мучал себя, сна лишился и казалось, что не было размышлениям конца и края. И вот...

Телега закрипела. Одинокая оглобля поднялась. И груженная мыслями телега, сама подкатила к камину и въехала в него. Даже не попрощалась. Сгорела и всё.

– Красиво горела. Годные были мысли – Дракон поворошил угли кочергой.

Петров и до этого не был компанейским. А после этого разговора люди попросту перестали обращать на Петрова внимание. Куда-то пропала привычка делить Жизнь на важное и не очень. А вместе с этой пропажей, пропал интерес к Петрову. Но это его не беспокоило. Он смотрел и видел. Слушал и слышал. Прикасался и чувствовал. Вдыхал запах и ощущал его. Что могло иметь вкус, дарило вкус. Это было так просто.

Неправильная сказка

Вот, что с этим делать? Еще мгновение тому назад не было даже слова. А теперь мир перед тобой качнулся, за тобой захлопнулись все двери и нет пути. Нет пути. Никуда. И ничего не остается кроме как попытаться записать слова и по ним, как по ненадежным кочкам на топком болоте, выбраться в реальность, которой давно уже нет.

– И сделал он своей возлюбленной великий подарок. Даровал свободу от себя. Не изменив своему слову. Тут и сказочке конец – Дракон захлопнул книгу и чинно сложил руки на коленях. Все замолчали.

– Это неправильная сказка, с неправильным концом – принцесса шмыгала носом, готовая вот-вот расплакаться – Он её спросил? Нужен ей его великий подарок? Тоже мне даритель нашелся! Гад, он. Принц ваш.

– А по-моему принц поступил как и положено поступать в таких случаях – осторожно вступил в разговор Петров – Всё равно бы у них ничего не получилось. А так красивый финал. Вместо дурацких про «жили они долго и счастливо»

– Кому положено, Петров? – воскликнула принцесса – Конечно, он весь из себя такой великодушный. А девушке, что с этим делать? Она же любит его!

– И пусть любит. Кто ей запрещает. Какое это имеет отношение к свободе? – пожал плечами Петров. Он уже был не рад, что влез со своим мнением, когда его никто не просил об этом.

– Зачем нужна свобода, если в ней нет любви? – и принцесса зарыдала. Горько-горько. Оплакивая всем несчастных, которых вот так бесчестно освободили.

– Свобода без любви. Любовь без свободы – Дракон легко дунул и дрова в камине моментально загорелись – Вроде просто всё, да, Петров? А принцесса плачет. И нам с тобой ее не успокоить. Такие дела.

– Да ну её – возмутился Петров – Нашла о чем реветь. О какой-то сказке. Ладно бы о настоящем!

Дракон и принцесса переглянулись и ничего не сказали. А что тут скажешь? По всему прав Петров. И принц-красавчег, тоже прав. Только вот от их правоты совсем тошно становится. Даже Дракону.

Свобода без любви? Любовь без свободы? Записал сказку....

Большая сказка

Жили-были, человек и его болезнь. Неразлучно. Они может, и рады были бы разлучиться, да кто их спрашивал. Раз уж встретились, то будьте вместе.

Болезнь заботилась о человеке, как могла. Напоминала о себе. Иногда ласково и нежно, часто больно и не вовремя. Забота – штука занятная. В заботе главный не тот о ком заботятся, а тот, кто заботится. И он в своей заботе не особенно церемонится. Болезнь так и поступала. Человек терпел. Пытался избавиться от болезни. Забывал о ней, заглушал её лекарствами. Но болезнь не отступала. Она была очень верной. Как может быть верным тот, кто считает заботу своей судьбой. И кому кажется, что он лучше знает, что для другого лучше.

Иногда болезнь отпускала, давала облегчение. И тогда человеку казалось, что всё уже позади, и дальше будет только лучше. Какое наивное заблуждение. Дальше никогда не бывает лучше. Дальше бывает иначе. И болезнь возвращалась, принося человеку нечеловеческие мучения.

Им бы поговорить. Хотя бы однажды. По человечески. Выяснить, что и как. Пожалеть другого. Выслушать. Поддержать. А они бились, как заклятые враги. Человек против болезни, болезнь за заботу о человеке. Грустная история. Победителей в ней не будет. И сражаться было бесполезно с самого начала.

Кто-то сказал человеку, что его болезнь дает ему уроки. Эти уроки человек должен усвоить и выучить. Человек бросился учить уроки болезни. По обыкновению не поговорив с нею, не выяснив ничего. Болезнь не знала, ни про какие уроки. Она заботилась еще сильнее. А человек думал, что он учит урок плохо, старался еще сильнее. Им вместе становилось только хуже.

Жили-были, человек и его болезнь. И умерли в один день. Как самые близкие, родные и дорогие друг для друга. И чего, спрашивается, сражались? И могло ли быть как-то иначе?

29 февраля. Непривычная сторона реальности

Это была страшная сказка. Пропитанная ужасом и будничной жутью. Она брела по заснеженному городу, заглядывала в окна, в глаза прохожих. Собаки начинали скулить и искать защиты за ногами хозяина. Коты выгибали спину, шипели, сверкали взглядом и убегали, не оглядываясь. Сказка искала Сказочника. Так повелось с начала времен. Сказка не может сама войти в мир людей и животных. Сказке нужен проводник.

Петрову понадобилось срочно снять наличных денег. Время поджимало, ему уже давно нужно было быть там, где его ждали, а какая-то тетка возилась у банкомата минут десять. Она снимала внушительные суммы, воровато оглядывалась и прятала пачки денег в своей сумочке. Время от времени с подозрением поглядывая на Петрова. Создавалось впечатление, что она грабила банк, с помощью современных технологий. В такие моменты, когда кто-то делает что-то медленно, время начинает вести себя безобразно. Минуты тянутся подобно сонным часам, а часы пролетают подобно обезумевшим мгновениям. И лучше не уточнять сколько прошло времени, от этого сумасшествие момента только усилится.

По левую руку вход в аптеку. В нее Петров частенько заходил прежде, чтобы пополнить запасы необходимого. Но аптека почему-то закрылась, перед входом красовался внушительный сугроб и ни одного следа. И тут появилась она. Молодая женщина с ярко рыжими, почти красными волосами. Она умела прятала свое лицо, одета была во что-то неопределенное. И Петров вдруг засомневался, а человек ли это. Однажды Дракон, в шутку, показал Петрову как распознать нелюдей. Это был поучительный и пугающий урок.

Не секрет, что люди в своей массе невнимательны и рассеяны. Они пребывают в сонном состоянии, больше доверяя своему воображению и привычкам. Воображение послушно подсовывает знакомый образ даже там, где происходит необычное. Привычки оберегают от поступков, которые могут привести к нарушению хорошо заученных правил. В итоге человеку кажется будто он живет в одном и том же мире, даже не подозревая, что видит бесконечный сон.

Вокруг же кипит другая Жизнь, и часто человека используют как подручное средство для достижения каких-то целей. В мире других реальностей никто не заморачивается вопросами морали и нравственности. У пробужденных нет правил.

– Фрол Кузьмич! Осторожно посмотри налево, не поворачивая головы – Дракон перешел на всеобщий язык и со стороны могло показаться, что он сначала сладко зевал, а потом оглушительно чихнул

– Кто это? – Петров «увидел», и не понял, что именно увидел. Существо было похоже на тень от дерева. Оно исчезало и появлялось, вызывая приступ тошноты.

– В языке известных тебе образов нет подходящего названия – хмыкнул Дракон – Это древнее существо, совершенно безобидное. Они почти не прячутся, люди же предпочитают их не замечать. И напрасно. Это хорошие врачеватели и мудрые наставники. Те кому удавалось их случайно и мельком увидеть почему-то называют их ангелами.

– С ума можно сойти! – чуть не заорал Петров – Это же...?

– Да, это он – пробурчал Дракон – Прикинулся для вида бомжом, не особенно маскируясь. Люди избегают даже смотреть на такое, а потом не могут понять, почему неожиданно лишились сил.

Петров очень быстро понял принцип. Смотреть лучше всего рассеянным взглядом или мельком. Помогал взгляд через тень. Иногда – быстрое моргание. Людей вокруг оказывается было не так уж и много. Но множество тех, кто маскировался под людей. Было непонятно зачем нужен этот странный маскарад. Настоящие люди выглядели как отмороженные, двигались они медленно, часто замирали на месте. Скоро Петров понял, что не было никакой маскировки. Это его воображение и его ум пытались свести увиденное к известному. Человеку вбивают в голову с детства, что он единственно возможное разумное существо. Он венец мироздания, и все вокруг призвано служить ему. Поэтому человек просто не в состоянии понять, что он всего лишь один из возможных вариантов, часто далеко не самый удачный.

Дама с красными волосами подошла ко входу в закрытую аптеку и замерла. Петров уставился под ноги и через голубоватую тень посмотрел на существо. У него был один глаз, вместо второго глаза было что-то живое и словно бы кипящее. Рот нарисован криво. Вместо носа болталось что-то растрепанное и невнятное. У существа не было ни лица, ни головы, но оно легко маскировалось за копной кудрявых волос.

Женщина у банкомата закончила упражнения с наличностью и окликнула Петрова. Он отвлекся лишь на короткое мгновение, а когда оглянулся, то увидел лишь спину входившей в закрытую дверь. На снегу четко отпечатались следы лап с тремя пальцами. Петров попытался открыть дверь. Она бы надежно закрыта. Он обернулся к банкомату, там никого не было.

Петров не только не опоздал, но пришел с запасом времени. И еще долго боялся смотреть на свое отражение, опасаясь увидеть там не то к чему привык за годы.

Март

Сказка про невозможность

Невозможность мирно спала на макушке пушистой елки. Спала и спала, чего ей мешать. Воронам приспичило. Отработка параллельного пилотирования возможна при наличии правильного стимула. Стимул и явился. В виде белоснежного бумажного самолетика, который осторожно выскользнул из распахнутого окна пятого этажа.

Самолетик обалдел от открывшегося ему простора, но его счастье длилось недолго. Серой тенью закрыло небо и мощный клюв нежно, но крепко, ухватил бумажного летуна за тонкое крыло. Парочка виражей для начала и аккуратная бочка. С соседнего дерева раздался богатырский «кар» и закрутилось.

Вороны передавали самолетик друг другу, не снижая скорости. Орала при этом так, что снегиря, аккуратно обедавшего на яблоне-дичке, замутило. Невозможность проснулась. Потянулась и стала увлеченно наблюдать за воздушными хулиганами. Ох. Когда невозможность принимается наблюдать, это открывает путь для непредсказуемых возможностей.

Кот Фрося хотела забраться на дверь. Любой нормальный кот знает, что сидеть на узкой двери это хорошо. Потому что далеко видно, бодрит и можно дотянуться куда-нибудь. Пару раз удалось уговорить людей, но потом они устали на стену, где мелькали какие-то картинки и никак не хотели подсаживать. Фрося помякала на дверь. Дверь олицетворяла равнодушие. От такого отношения залезть хотелось еще сильнее. За окном раздалось отчаянное карканье, и промелькнуло что-то пестрое и головокружительное. Кот понял, что милостей ждать больше неоткуда и огляделся.

Оглядывание относится к одним из верных способов решения неразрешимых проблем. Во-первых, когда оглядываешься, то разминаешь шею, что улучшает снабжение мозга свежей кровью. А в семнадцатых, во время оглядок, замечаешь неприметные мелочи. А мелочи – главное при поиске решения. Фрося заметила стол, рядом со столом какую-то коробку, на двери кстати висело полотенце. Несколько несложных расчетов и прикидочных прыжков (конструкция кота, позволяет падать чаще удачно, чем нет) и все было готово.

Перед решающим трюком нужно мяукнуть или хотя бы мурлыкнуть. Это убирает остатки сомнений и обостряет нестерпимое желание сделать. Легкий прыжок на стол, потом на коробку и в момент, когда коробка начала падать, рвануть навстречу невозможности. Полотенце сдалось и упало на пол, но свое дело сделало – кот смог удержаться на двери. Дверь неторопливо покачалась и успокоилась. Как тут интересно. Шкаф уже не кажется таким далеким, но это в другой раз. Зато как близка аппетитно отклеенная обоина. Кот напрягся и прыгнул на стену, стараясь зацепить заветный лоскут бумаги...

Невозможность утомилась наблюдением за гонками ворон и решила продолжить просмотр прерванного сна. Нашла время. Зря она так. Потому что коту не хватило всего пары сантиметров.

Обои показали язык, пустота раскрыла объятия. Кот повисел немного в воздухе и рухнул...

Сказку не удалось досказать. Можно конечно все свалить за засоню невозможность. Но это не наш путь. Причина проще. Кота жалел. Фрося сидела на коленях, подставляла разные места себя для почесываний и поглаживаний, и рассказывала, как она почти смогла. Ничего не почти. Смогла она. Смогла покорить высоту многократно превышающую собственные размеры.

Перед чистым листом

Намечался официальный праздник. С обязательными выходными и непременно поздравлениями. В офисе чувствовалось напряжение. Одни ждали, когда и как, их обрадуют, другие волновались, чтобы управиться с поздравлением побыстрее и выдохнуть.

Жена ждала Иванова дома. Дстойно накрыла стол, отправила детей к своим родителям, обеспечила уют и готовность к нежности. Все было готово, не было только Иванова.

Иванов. На службе была кутерьма. Начальство решило непременно сегодня что-то согласовать, запланировать и устроило затяжные совещания. Требовал к себе ритуал поздравления коллег, где без него никак. И жена ждала дома, настойчиво намекая, что давно пора бы уже и поспешить. Ему нравилось, когда вот так – ты всюду нужен. А что не успеваешь, так это даже волнует.

Сегодня Иванов не поспевал нигде. Совещания слушал рассеяно, жене отвечал невпопад, коллег поздравить не получалось. Суэта превращалась в нервное дергание во все стороны, и уже не радовала. И тут шеф вызвал к себе. Нашел же время, за полчаса до окончания рабочего дня.

– Садись – шеф выглядел устало возбужденно. Странное сочетание – Виски. Им лет, больше чем нам с тобой. Все берегу, берегу, берегу бутылку. Повод жду. А он все не подходящий. Давай выпьем.

– Не могу – выдал из себя Иванов – За рулем. Да и пост сейчас.

– Такси вызовешь. Машину потом со служебной стоянки заберешь, под присмотром переночует. А пост? Да простит тебе Господь этот грех. Сам он воду в вино превращал, значит не брезговал.

– Домой уже бы надо – Иванов чувствовал себя как распятый на булавках жук, над которым склонился ученый по жукам. У ученого в руке последняя булавка. И внимательно так примеряется этот ученый, чтобы всадить булавку наверняка. Служба, поздравления, жена – все это растянуло Иванова во все стороны и он обреченно пытался дергаться.

– И мне надо – шеф буднично открыл заветную бутылку и плеснул на дно стаканов. Тонкий и приятный аромат поплыл по кабинету – И я за рулем, хотя с постом как-то не сложилось – Будь!

Вечер осторожно прокрался за окно. Опустел офис. В огромной комнате сидели два человека и молча пили виски. Иногда перебрасывались короткими фразами, чтобы основательнее замолчать.

Где-то далеко и высоко дежурный Бог перед чистым листом бумаги. Любил Он вот так посидеть перед невоплощенным. Никто Его не торопил (не потому, что торопить было некому, а просто не имело смысла торопить Бога) и значит можно было себе позволить посмаковать Вечность.

Жена Петрова трещала по телефону с женой шефа. Им было о чем пожаловаться друг другу, как и о чем поболтать. Было важно и неважно, когда вернуться домой мужья. Потому что заветное время уже просрочено, а другое заветное время неизвестно. По небу гудел невидимый самолет. На ветке орала в ожидании снегопада ворона. Истерила сирена какой-то срочной аварийной машины. В домах и квартирах люди накрывали столы, ругались и любили друг друга. С экранов телевизоров пугали страшным будущим и безуспешно пытались развеселить в настоящем.

Однажды он наступит, это неуклюжий момент. И ты раскупоришь невпопад заветную бутылку и нарушишь то, что нарушать категорически не рекомендуется и опоздаешь повсюду. Спроси тебя, а почему? Только пожмешь плечами.

Необратимость

Ворона читала стихи. Петров огляделся по сторонам. Вороны он не увидел, но слышал отлично.

Сначала стихи были на всеобщем языке, понятном любому существу в окрестной Вселенной (даже некоторым людям, которые не слишком умничают). Потом птица увлеклась и перешла на какое-то варварское наречие. И это было правильно, потому что нужные слова нашлись именно в этом языке.

Как правильно читать стихи вслух не знает никто. Наверно поэтому существуют исчерпывающие руководства и авторитетные школы. Вам исправят дикцию, настроят дыхание и научат точно интонировать. Вы узнаете где следует делать паузы, а где говорить без остановки. Если вы проявите старание и воспользуетесь способностями, то сможете читать стихи хорошо или даже очень хорошо, а возможно и блестяще. Но при этом так и не поймете, как же читать стихи правильно. Потому что когда нет правил, то нет и правильного.

Ворона отчаянно картавила, проглатывала слоги, а иногда и целые слова. У птицы были проблемы с чувством ритма, что приводило к невнятным зависаниям или тарабарщине. Но при этом читала она гениально. У Петрова перехватило дыхание. Сердце куда-то заспешило в груди.

Чувство переполняли Петрова, бросая его то в бездонную печаль, то в запредельный восторг.

Ворона выдохнула финальные строки, помолчала, потом пробормотала что-то вроде: «Да и ладно», и улетела. Она оказывается сидела на крыше ближайшей пятиэтажки. А Петров остался.

Он стоял и не знал кто он. В голове неспешно покачивался какой-то разноцветный туман. Хотелось обнять кого-нибудь и признаться в любви. Приближался приступ немотивированного счастья. А ему, как известно, невозможно противостоять. Петров вскинул руки в небо, набрал полную грудь воздуха и хотел заорать, что было сил, но вместо этого едва слышно прошептал: «Я Люблю Тебя». И заплакал горько, горько, как плачут дети, пока еще не научились врать самим себе.

Если бы Петрова спросили, а о чем были стихи, прочитанные вороной, то он бы ничего вразумительного не ответил. Как можно вразумительно сказать о Любви, о уходящей в Вечность зиме, о неисправимо ускользающей Жизни и ответах без вопросов? А еще о грусти, радости и бездонному счастье Быть.

Много о любви

Вроде бы две вороны на дереве. Банальная городская картинка. Если бы не ранняя весна. Если бы не пряный аромат безрассудства и разлитого вокруг счастья.

Он – влюбленный идиот. Орет песни на жуткие мотивы. Таскает разные подарки и читает такие слащавые стихи, что клюв сводит. Она «не такая девушка». Но обязательно глянется в ближайшую лужицу. Каждое перышко на своем месте. И характер...

Характер нетакойдевушки весной – штука в нелогичная и мимоголовная. Каким местом думает это создание? Этого не знает никто. А тот, кто пытается узнать и понять, сходит с ума самым увлекательным и залихватским способом. Девушка очень хочет. Алчет практически. Любви, внимания и неперемных ухаживаний. И она готова ответить взаимностью. Но. Характер. Ибо, не такая.

Он рад бы остановиться. Он понимает, что еще немного, и средств разумности на обратный билет в здравый смысл, ему не хватит. Но весне нет дела до его сложностей. Весна входит в силу. Потому что скоро апрель, а в апреле надо лупить из всех стволов. Иначе не будет красивых и шаловливых деток. А это невозможно. Вот его и прет. Да так, что он садиться на почти невидимую березовую макушку и орет в пустоту, пока не потеряет голос и остатки разума.

У них отношения. Так уж решил случай. Они постоянно рядом, регулярно вместе и с этим ничего не поделаться. Весна, чтоб ее. И редкий случай, когда у ворон понятно кто мальчик, а кто не мальчик. Ворона девочка она такая девочка и такая ворона. Не спутать с другим явлением природы.

Поневоле потянет на примитивные ассоциации из мира разумных приматов. Ведь сам же был, и не раз, в роли влюбленного кретина. И в ладони твоей грелась прохладная лапка барышни. И от запаха этой барышни ты превращался в просто примата. А она конечно же не такая. И мотала нервы всему вокруг, а тебе в особенности. Но как же ты был счастлив от этих сладких мучений.

У него сдали нервы. Ну как сдали? Позорно капитулировали. И он воспользовался ситуацией. А она вроде как растерялась. Потом удивилась, возмущенно каркнула и блаженно отряхнулась. После чего намекнула, что скоро птенцы (ага, через пять минут после свидания), а где гнездо и вообще...

Две вороны на дереве. Картина слегка забродившим маслом. Машу им рукой. Но меня не замечают. Весна, не до расшаркиваний. И это самый правильный сценарий событий. Обожаю Сценариста этого Мира.

На расстоянии кошачьей лапы

На пушистом облаке сидели Человек и Смерть. Облако летело неведомо куда и это всех устраивало. Отличный повод для неторопливого разговора. О чем разговаривали эти двое догадаться нетрудно. И это затрудняет возможность рассказать об этом. Слишком соблазнительно додумать что-то свое и сделать неутешительные выводы.

У всего есть срок. У всего есть срок? У всего? Есть? Срок? Вопросы еще какое-то время менялись местами, потом устали и оставили все как есть. Ответы не спешили к ним навстречу. Толкались где-то вдальеке, о чем-то негромко переговаривались и устраивались на ночлег. При таком раскладе жди в гости тягучую бессонницу. Не случайно у этого слова две сдвоенные согласные.

Для расширения границ восприятия необходимо много сил, терпения и неограниченный запас смелости. Для утверждения приятия понадобится всё, что имеется в наличии, и это только в качестве первоначального взноса. Потом придется заложить остаток Жизни и еще кое-что, о чем до поры лучше не думать. Смерть при таком раскладе уже не выглядит злом.

– Но ведь этого не может быть? – Человек чуть не свалился с облака. Хотя всякий, кто хоть однажды путешествовал на облаках, знает, как это удобно и безопасно – Ты шутишь?

– Я люблю добрую шутку, но это не тот случай – На губах у Смерти играла легкая улыбка. Улыбка подпрыгивала и пыталась поймать маленький парашютик от одуванчика.

– Значит есть какие-то условия? Не может же быть все так просто? – Человек подвинулся поближе

– Какие условия? Все, что необходимо, озвучено на старте. У человека немного возможностей для выбора. Но умирать или нет, он выбрать может – улыбка на губах Смерти наконец-то смогла дотянуться до пушинки и о чем-то с ней зашептала.

– Странно, что ничего неизвестно о тех, кто воспользовался этим выбором – человек озадачено посмотрел в бездонное небо. Фраза улетела в бесконечность и обратно ее уже не дожидаться.

– Известно достаточно, но это неинтересно, да и бесполезно, тем, кто выбрал умереть.

– А как я могу сделать такой выбор?

– Легко. Но, если ты спрашиваешь о способе, то его знаешь только ты. В этом твоя уникальность. Если вместо праздности, лени и обязательности мысленных разговоров, ты поищешь нужный способ выбора, то обязательно найдешь. Это легко.

Облако исчезло. Бездонная тайна – куда и почему исчезают облака. Только что летело себе по небу и вдруг решило растаять. И где, интересно, летевшие на облаке? Они тоже исчезли? Что-то не верится. Ведь сказка про них рассказалась? А значит они где-то есть? Не может же быть такого, что сказка есть, а героев сказки нет?

Кот сидел у раскрытого окна балкона и считал мысли. Для того, чтобы видеть чужие мысли, усмири собственные. Кот ничего не знал о таких тонкостях. Он иногда поднимал лапку, чтобы подтолкнуть зазевавшуюся мысль. Пусть летит дальше...

Ты, чего?

– Ты чего? – мысль сидит неподалеку. Болтает ножками и рассеяно смотрит по сторонам – А?

Неизвестно откуда берутся мысли. Если рассматривать пространство, где происходит мыследвижение, как пустой зал (без стен, окон и дверей), то мысль возникает в этой пустоте. И все. Этого знания достаточно, чтобы не сойти с ума или не просветлеть, пытаясь разобраться.

Эта мысль имела привычку объявляться в минуты праздности и покоя. Появлялась, начинала бесконечные разговоры ни о чем. Крутила смыслы, жонглировала фразами и играла эмоциями. Понятно, что подобная карусель не приводила ни к чему. Вроде бы думал, о чем-то размышлял, что-то формулировал, но в итоге пустота и досада.

Петров пробовал мысль гнать. Неудачная идея. Попытка прогнать мысль приводит к мысли о том как это сделать и... Не, лучше остановиться. Не обращать внимания на мысль оказалось еще сложнее. Тут или занимаешь себя другими мыслями или ничего не получится. Заразная мысль терпеливо дожидалась перерыва, после чего приступала к своему делу.

Снег обречен. Даже если и попробует притвориться ледяным покрывалом. Марту нет никакого дела до уловок снега. В марте тепло и этим все сказано. А то, что весна постоянно бросает начатое, чтобы потом продолжить брошенное – ничего не значит.

Интересно, а можно вспомнить все весны, в которых ты уже Жил? Пусть не в деталях, а хотя бы по каким-то ярким событиям? Петров попробовал и понял, что можно. Сначала воспоминания идут туго, но понемногу разгоняешься, и продвигаешься все дальше в прошлое. Удивительная закономерность. Весной ничего не бывает окончательно. Снег не растает мгновенно. Почки на ветках не набухнуть сразу, и цветы не распустятся как по команде. Перемешано в весне. Снег темнеет по углам, а почки готовы лопнуть. Проклевываются первые листочки и уже что-то цветет. И запросто может пойти при этом снег, приморозить, дождик поморосит, туман поколдует. Так и воспоминания.

Петров не гнал навязчивую мысль, но и не игнорировал. Он поступил с ней, как весна поступает со снегом. Мысль и сама не заметила, как растаяла.

Кот вылизал заднюю правую лапу, потом отвлекся и вылизал ее еще раз. Никакой системы. Но почему он при этом всегда чистый? Иной человек поступает по правилам, придерживается направления, делает все по порядку. И такая дрянь в итоге, что лучше бы не брался.

Утро злодея. Пилотная сказка из жизни сказочных персонажей

Ворона прокаркала три раза по три раза. Каркала она с ленцой, щедро расставляла паузы. Это был знак, что пора вставать. Окончательный и бесповоротный сигнал будильника. Сон сразу куда-то засобирался, засуетился, словно не баюкал сладко еще мгновение назад. Кощей открыл глаза и посмотрел в окно. За окном никуда не спешила пасмурная весна. А на ветке дремала ворона.

– Сволочь – мысль была короткой и сокрушительной – Сама спит. А меня на самом вкусном месте разбудила.

– Ты проснулся, милый? – из соседней комнаты раздался гортанный голос Василисы, жены любимой.

Отвечать не хотелось. Ничего не хотелось. Пока ворона не сокрушила сон, спать хотелось. И теперь желаний не осталось. Издержки бессмертия. Все успеешь, а то что не успеешь, успеешь в другой раз. Василиска пока рядом, тоже живет сколько ей влезет. Значит можно не отвечать на вопрос, ответ ничего не изменит.

Человек боится не успеть и успеть боится. Жизни всего пригоршня и еще чуть-чуть. Любое слово последним может оказаться. Про дела уже и говорить не приходится. Начнешь что-то, а закончишь ли – это неизвестно. Сказочному злодею эти рефлексии не интересны. Жизнь в режиме безлимитки, репутация известна каждому ребенку. Будущего нет, прошлое давно сбежало. Настоящее доступно во всей его красе. Потому что бояться нечего. Живи и радуйся. Не хочется.

Василиса была из рода Премудрых. У них по женской линии все бабы были мудрыми и невозможно красивыми, а мужики косыми и дураками. И здесь равновесие. Вышла она за Кошея по любви, но для порядка помотала нервы и будущему мужу, и дюжине бравых претендентов в мужья. Детей нарожала. Советом дельным помогла. Хорошая жена во всем мужу подмога.

Кощей встал. Зашел в опочевальню к Василисе. Обнял, поцеловал жадно. Не мог он ею напиться за столько лет. Загадочная штука любовь, поди угадай, как все сложится. Но злодейства никто не отменял. Позавтракать и за работу...

Сказка-посвящение

Тень дремала в отражении от форточки в луже. Весна терпеливо перебирала варианты, чтобы не повториться, но совершить все в срок. Снег неспешно таял. Частично от удовольствия, но в основном от нетерпения. Обаяние от неизбежного конца имеет удивительную притягательность. Так самоубийца видит в любом веревочном кольце зов от будущей персональной виселицы. Смерть – увлекательный наркотик, она манит решением всех проблем и вечным покоем. Хотя ни того, ни другого никому и никогда не обещала.

Женщина была достаточно юной, чтобы назваться девушкой и недостаточно взрослой, чтобы отрицать свою поразительную привлекательность. У женщины, в отличие от примитивно устроенного мужчины, несколько рождений (что и роднит женщин с кошками). Это было рождение в красоту. Оно ничего гарантировало, но многое обещало. Это всё, что было известно на тот момент. Семя брошено. И жизнь на время про него забыла.

Чтобы понять, что чувствует семечко в земле в ожидании первого ростка, достаточно оглянуться на десяток лет тому назад. И попытаться вспомнить свою жизнь. Она точно была. Вот фотографии, вот люди, они многое помнят и могут рассказать. Но откуда эта странная горечь? И ощущение, что все это было как бы ни с тобой? Словно вокруг тебя стговор, где тебя пытаются убедить в обратном. Ты ждал и ты дождался. Еще одно рождение.

Она родилась. И красота ударила из всех стволов, не жалея ни своих, ни чужих. Сметая родственные связи и супружеские узы. Красота – страшная сила! И это не фигура речи, это оружие массового поражения. Как хорошо, что эта женщина внутри себя, внутри своей сокрушительной красоты. Это её и спасает. Показывая в зеркале лишь часть правды.

Тень, не удержалась, и свалилась в лужу. А как опомнилась, то было поздно. В луже отражалось бездонное весеннее небо и добротный кусок первой радуги. Первую радугу невозможно увидеть невооруженным глазом, а если увидеть вооруженным, то уже ничего рассказать не сможешь. Прилетел воробей, поскользнулся на ледяном берегу и с истошным чириканьем угодил по груди в новорожденную лужу. Не вылезать же, когда так удачно всё сложилось. И принялся купаться. Тень разлетелась на тысячи пылинок-брызг и рассмеялась в голос.

По улице шла женщина. Едва касаясь земли. И заражала своей красотой окрестности. Весна ей в помощь. Весна торопится, но никуда не опаздывает. Что-то будет. Ведь если в женщине рождается новая женщина, то это для чего-то нужно?

Важный случай:)

Топает сказочник по мартовскому гололеду. Со сказкой вслух болтает. Темно вокруг, людей мало, помешать некому. Заспорили. А тут лужа. Дремлет себе, готовится легкой паутинкой пушистого льда укрыться. В ночи спряталась.

Сказочник в эту лужу и угодил! Да от всей души, да обеими ногами, чуть полные ботинки радости не набрал. Подпрыгнул, оглянулся. Ноги вроде бы сухие, как ни странно. А вокруг такая ночь невозможно красивая. С бархатной темнотой без звезд и луны. Не во всякой сказке такую увидишь.

Погладил лужу. Поблагодарил. Надо же как в грезы глубоко нырнул – света темного вокруг не заметил. И расхохотался. С ветки ворона подключилась, одна припадочная сигнализация в какой-то машине, и сонная собака с балкона. Потом все притихли. Стало слышно, как играет на железном козырьке балконном сосулька. Выстукивая что-то неземное и до слез знакомое.

Под ноги шмыгнул серый мордастый кот. Наскоро потерялся об ногу, поглядел строго и растворился в тишине, как и не было. Ох, и непросты эти мартовские черные ночи. Столько в них разного, только успевай, примечай. Сказка подождет. Не маленькая. А весна ждать не будет. Ночи все короче, скоро уже спать по светлу ложится будем...

Короткая сказка двери

Дверь как бы была и как бы ее, и не было. В такую дверь просто так не войти, а без нее не войти туда куда нужно. Мораль этой загадки состояла в том, что недостаточно найти дверь, еще надо суметь придумать способ входа.

– И? – Петров обратился к двери напрямую. Дверь сделала вид, что не понимает о чем идет речь.

– Попробуй другие буквы – голос невидимого собеседника истекал злорадством

– И попробую – невозмутимо произнес Петров и попробовал. С каждой буквой он применял разные интонации и позы. Выглядело это потешно! Дверь прислушалась, но ничего не происходило.

– По-моему тебе это не очень помогло – голос едва сдерживался от того, чтобы расхохотаться.

– А тебе? Помогло? – Петров закрыл глаза и принялся искать самую черную темноту из имеющихся.

– Мне? – в ехидных интонациях голоса послышалась растерянность – Я-то здесь причем?

– Вот и заткнись! – отрезал Петров и шагнул в дверь.

Дверь охнула, но пропустила. С ними только так и надо. Никаких переговоров и реверансов. Решил входить – иди. Иначе заморочат голову. За дверью ничего особенного не было. Как и должно быть для настоящей двери, которая нужна именно тебе. Рецепт поведал Волшебник. Если не знаешь, куда идти дальше, то оглядись вокруг, где-то неподалеку непременно окажется нужная дверь, и войти в нее сможешь только ты, если придумаешь способ. Что после этого изменится? А всё! Но ты это заметишь не сразу.

Сказка приглашения к молчанию

– Атайди – медведь красиво и певуче выделял гласные – Атайди, тебе говорят! – барсук нахмурился и, проваливаясь в снег, отполз подальше. Медведь осмотрелся по сторонам, присел, сложил передние лапы перед грудью и изящно нырнул в ближайший сугроб. Снега было так много, что мишка тут же исчез. Метров через десять из снега показалась голова, а потом и весь медведь, красивый и заснеженный. Он взвился в воздух, сделал сальто и рухнул в снег. Какое-то время еще можно было видеть, как появлялся и исчезал медведь, а потом все стихло. Барсук покопался под деревом, вытащил какой-то корешок, аппетитно захрустел. А потом забрался обратно к себе в нору. Спать.

– Тебе пора помолчать с людьми – шаман выкатил из костра две картошки, одну передал мне – Ты уже давно к этому готов. А теперь пора.

– Кому это интересно? – я перебрасывал картошку из руки в руку, надеясь хоть так её немного остудить – Со мной вслух-то немного желающих поговорить, а тут молчать.

– Это не твоя забота. Положи ты картошку на траву, пусть немного отдохнет, чего ты её мучишь? – шаман поворошил угли и подбросил несколько сухих сучков – Ты накопил много молчания. Слишком много для одного человека. Поделись с теми, у кого молчания мало. Это просто сделать. Даже необязательно, чтобы другой был рядом. Главное договориться, что в такое-то время, минут пять, вы будете молчать друг для друга.

– А мне нравится твоя идея! – картошка оказалось чудо как хороша – Я попробую.

– Ты картошку пробуй, а молчание сделай – сон закрутился, затуманился, я не успел поблагодарить шамана и провалился в другой сон.

Снег закончился. Медведь вынырнул и оказался на уютной полянке, усыпанной земляникой. Опять весну прозевал, из зимы и сразу в лето. Мммм. А ягоды – чудо! Медведь загребал землянику двумя лапами и отправлял в рот. Ягодный сок похожий на кровь стекал по шкуре на траву. Обжора не заметил, что неподалёку, на пень, присел человек. Человек улыбался и молчал. Медведь утомился, присел в тень под деревом и задремал.

Молчание – это окончательный разговор, когда слов уже не нужно. И присутствие. Можно видеть друг друга, а можно и не видеть. Помолчать друг для друга. Невиданной щедрости подарок. А барсук где? Спит наверное где-нибудь, по снам гуляет.

Сказка про огород

Было так. В одном огороде какой-то козел повадился капусту таскать. И ладно бы ел, так нет. Беда. Или огорчение. А может даже неприятность. По вкусу воздастся, если воздавать будете. Широко всё началось. Не остановить.

А в это же время одна девица. Осьмнадцати с большим годов, в речке белые ноги мыла. Не свои конечно. Она-то смуглая была, но люто красива. Некоторых так сразу, наповал. Звали ту девицу по-разному, чаще Макарией. А что? Да ничего. Имя не выбирают. Или выбирают. Но речь не об этом. Смотрит Макарушка за горизонт, смуглые руки об подол вытирает. Красиво.

Третьего дня видел человека без велосипеда. Нет. Он вроде бы как на велосипеде (по всем признакам), а по сути, без него. Едет, но радости, ни себе, ни окружающим. А окружают его стремительно. Человек невелосипедист чувствует, что идет всё не так гладко, а что делать не знает. В воображаемый звонок звонит, на предполагаемые педали жмет. Суетится.

Ты напраслину не разводи. Её лучше принимать чистоганом. Полный стакан до краев и в себя, не переводя дыхания. До появления изумленного состояния души. Иначе только расстроишься, и радости никакой. Одно ожидание.

Скоро сказка сказывается. Ох, скоро. Ни зимы, ни лета под собой не чувствует, одну лишь весну дождалась и поделом. Да и ты не смущайся, мил человек. Когда оно пора, то пора и никуда не денешься. А если умудрился, то нечего пенять.

Тот козел потом нашелся, с тех пор его только и видели. А Макарушка? Что Макарушка? Красивая она. С велосипедистом познакомилась. Он ведь научился. Да. А что колес мало, так это с какой стороны смотреть.

Сказку эту читать в голос надо, чтобы себя не только ты слышал, но и другие. Тогда оно всё и случится, а может даже и произойдет. Так-то вот.

Попытка

Темнота. Полоска света из слегка приоткрытой двери. Тайна.

Стамеска соскочила, споткнувшись на невидимом сучке, и он поранил руку. Больно и обидно поранил. Кукла была почти готова, оставались мелочи. Оставалось лишь вдохнуть Жизнь, и не будить до поры. Кровь здесь лишнее. Она внесет путаницу. Придется подождать пару дней, пока ранка затянется. Нельзя заканчивать мелочи в перчатках. Придется подождать...

– Ты почему без стука? – она еще не научилась поворачивать голову отдельно от плеч и неуклюже повторяла поворот плечами. Красота понемногу проступала на её лице, оживляя кукольные черты. Мастер ни разу не видел, как это происходит. Куклы уходили от него раньше, многие так никогда и не просыпались.

– Я постучал, ты просто не расслышала – Кукольник любовался своей лучшей работой и был даже рад, что так все случилось. Заказчик попросил придержать готовую куклу на пару недель, но пропал на несколько месяцев. За это время обычная кукла-замарашка научилась быть капризной красавицей. Он баловал её, не предполагая, чем это закончится.

– Я приготовила... – её голос неожиданно сорвался на полуслове. Она испуганно вращала глазами, не понимая, что делать. Он легонько толкнул её под локоть, что-то щелкнуло внутри, голос восстановился – ...Твои вещи, книги и уродливые куклы. Забери их. Нам лучше быть в разных комнатах. Надеюсь, ты понимаешь меня? – голос снова дрогнул. Ей нужно чаще петь, чтобы механизм заработался.

– Хорошо. Я перенесу все в мастерскую. Там есть место – Кукольник неожиданно легко согласился со странной просьбой, даже почувствовал облегчение.

Так начинается эта история. Почти в полночь. За дверями обычной квартиры в многоэтажном панельном доме. Мастерская, спальня, кухня и удобства. Здесь Живет Кукольник. Мастер. Это не история про Галатею. Это сказки о присутствии Мастера и готовности к безвозвратности.

Дверь плотно закрылась. Живая темнота, подобно любопытной кошке побежала по замершим лицам. Обычно люди, выключая свет, побыстрее закрывают глаза и не видят того, что прятал от них свет...

Апрель

Дурацкая сказка (1 апреля)

- Ты что, дурак?
- Ага!
- Что, ага?
- У гуся лапа в десять фарадей.
- Каких фарадей?
- Безнадежно весенних, но в четверг!
- А во вторник?
- Уже лучше, но завтра.

Создатель ничего не знает о конкретно взятом ком-то или чем-то. Потому что это скучно и невыносимо однообразно. Заботы, мысли, желания и разочарования важны лишь при условии, если тебе неизвестен замысел и срок. Создателю это известно, он улыбается. Настоящая улыбка лишена привкуса, намека и обозначения. Она подобна бабочке, готовой вот-вот взлететь, но при этом спокойно сидящей на цветке. Можно заставить себя улыбаться, нереально вынудить себя улыбнуться. Улыбка рождается и исчезает мимо всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.